

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

Москва, Кузнецкий М., 7. Телефоны: { Редакция 2-80-42.
Конторы 3-18-42.Подписная цена на год . . . . . 11 р. 50 и
полгода . . . . . 6 р. — и
для "судработников" при условии подписки на год . . . 8 р. 50 и
при подписке на полгода . . . . . 4 р. 80 и

№ 8

28 февраля 1926 года.

№ 8

Перед Всероссийским Съездом Деятелей
Советской Юстиции.

В последних номерах «Еженедельника Советской Юстиции» помещена повестка VI Съезда Деятелей Юстиции РСФСР, созываемого 12 апреля текущего года.

Повестка разработана Коллегией НКЮ.

Первым пунктом повестки Съезда поставлены доклады Наркомюста, которые должны, с одной стороны, выявить основные моменты работы всех органов юстиции за два года, протекшие со времени последнего Съезда, и, с другой стороны, наметить ближайшие задачи по дальнейшему укреплению революционной законности в области суда и прокуратуры.

Повестка Съезда составлена таким образом, что явно бросается в глаза та основная цель, которую предстоящий Съезд пред собой должен поставить. Эта цель может быть сведена к анализу проделанной работы и к выработке директив для ближайшего времени сквозь призму и с точки зрения укрепления революционной законности.

Лозунг революционной законности, который дан был нашей Партией почти одновременно с введением новой экономической политики, получил свое особо яркое отражение на III Съезде Советов СССР, вынесшем специальное постановление «О твердом проведении революционной законности».

Мы не думаем, чтобы предстоящий Съезд Деятелей Юстиции стал заниматься теоретическим спором о том, что представляет из себя революционная законность. Для практических работников суда

и прокуратуры существо революционной законности выявлено с полной точностью и ясностью. Для них нет и не может быть противопоставления революционной законности революционной целесообразности. Они прекрасно знают, что законы, на основании которых им приходится вести свою работу, проникнуты сами по себе революционной целесообразностью. Для них нет также сомнения в том, что наши законы писаны для того, чтобы их исполнять. Для практических работников совершенно представляется непонятным, когда им говорят о том, что надо соблюдать законность, а не законы. Если углубиться в сущность такого противопоставления, то мы ничего, кроме пустой фразеологии, в нем не найдем. Укреплять революционную законность у нас значит, во-первых, издавать такие законы, которые революционно целесообразны, которые соответствуют интересам населения и интересам дальнейшего развития и роста нашего социалистического строительства; укреплять революционную законность значит, во-вторых, добиваться, чтобы эти законы беспрекословно исполнялись как органами государственной власти в центре и на местах и их представителями, так и населением; укреплять революционную законность значит, в-третьих, применять закон не только по его букве, но и по общему смыслу данного закона в связи со всем советским законодательством и стоящими перед нами общими политическими задачами.

На Всероссийском Съезде вопрос об общем значении и смысле революционной законности нас ин-

тересовать будет значительно меньше, чем практическая постановка вопроса о том, что нами уже сделано и что нам дальше нужно делать, ибо Партия и Советская власть признали, что укрепление революционной законности на данной стадии нашего развития есть обязательное условие успеха нашего дальнейшего социалистического строительства. Что дальше делать, чтобы органы власти не нарушали законов? Что дальше делать, чтобы суд разрешал вопросы права и житейские споры в полном соответствии с требованиями нашего советского закона? Что дальше делать, чтобы население широко знало наши законы и умело ими пользоваться? Вот эти вопросы станут перед нами на С'езде. Здесь задачи органов прокуратуры и суда самым тесным образом между собой переплетаются и скрещиваются, составляя единое целое. И не случайно повестка С'езда в пункте, касающемся докладов НКЮ, распадается на три отдельные части: на общий доклад, на доклад об организации работы прокуратуры и на доклад об организации работы судебного аппарата.

С основными докладами НКЮ теснейшим образом связаны почти все остальные вопросы повестки С'езда. В самом деле. На С'езде будет делаться доклад Верховного Суда РСФСР об основных принципах уголовной и гражданской судебной практики. Верховный Суд сделает анализ судебной работы наших губернских судов и по уголовным и по гражданским делам, оценит эту работу и даст указания на ближайшее время в направлении укрепления основ революционной законности как в области применения закона, так и в смысле изменений действующих законов, вызываемых потребностями жизни.

На С'езде будет сделан доклад о новой редакции Уголовного Кодекса. Опять-таки новая редакция Уголовного Кодекса должна быть составлена таким образом, чтобы содействовать укреплению революционной законности, учитывая обстановку данного момента.

Если С'езд будет обсуждать проект Комиссии ЦИК Союза ССР об организации Прокуратуры Союза, то здесь особенно ясно, что вопрос будет рассматриваться с точки зрения, быть-может, очень коренной реорганизации, но реорганизации, которую считают необходимой для лучшей гарантии, для более уверенного проведения, для более успешного закрепления основ революционной законности.

С'езд будет слушать специальный доклад о практике применения Уголовно-Процессуального Кодекса в связи с предложением его упрощения. И здесь стремление упростить наш уголовный процесс, стремление избавить наш Уголовно-Процессуальный Кодекс от излишнего технического балласта должно быть проникнуто исключительно желанием облегчить нашим органам юстиции возможность проведения и обеспечения на местах при су-

дебной работе революционной законности, ибо практика показала, что можно, а, стало-быть, и нужно упростить отдельные нормы, регулирующие судебное производство и особенно в наиболее близком к населению народном суде. Вообще упрощение, как кажется нам, может и должно коснуться тех глав, которые регулируют действия суда по прекращению дела и преданию суду, единоличные действия народных судей, судебные заседания в народных судах и, в частности, особое производство в народном суде. Перед нами, несомненно, встанет на С'езде ряд изменений уголовного процесса, имеющих глубоко принципиальный характер, но преследующих одну цель—укрепить революционную законность. На них не время сейчас останавливаться. Мы это сделаем, если позволят обстоятельства, в специальной статье.

Соображения укрепления революционной законности и приближения суда к населению выдвигают перед С'ездом также вопрос о краевых судебных органах и органах прокуратуры в связи с районированием РСФСР. Нашим работникам и читателям «Еженедельника» уже известно, что имевшее место в январе т. г. расширенное заседание Коллегии НКЮ с участием Президиума Верховного Суда, председателей краевых судов и краевых прокуроров высказалось за изменение действующей системы суда в краевых объединениях. Совещание высказалось за организацию окружных судов вместо существующих сейчас судебно-кассационных сессий краевого суда, ставши вместе с тем решительно на точку зрения безусловной недопустимости распыления кассационной практики Верховного Суда и, следовательно, полной нецелесообразности передачи какой бы то ни было части кассационных функций из Верховного Суда краевым судам. Совещание сочло совершенно необходимым отстаивать сохранение единства кассационной практики Верховного Суда во всех законодательных учреждениях РСФСР. Но, с другой стороны, для того, чтобы максимально приблизить органы юстиции к общесоветской системе в краях, совещание постановило предоставить краевому суду, на ряду с функциями судебно-административными, также функции суда первой инстанции, установив в качестве кассационной инстанции Верховный Суд, как в отношении дел, которые рассматриваются краевым судом, так и в отношении дел, которые рассматриваются окружными судами, как судами первой инстанции.

И здесь исходили, главным образом, из соображений дальнейшего укрепления революционной законности. Окружные суды организуются для того, чтобы приблизить суд к общесоветскому аппарату и, стало-быть, к населению, а единая кассационная практика, как в области уголовных дел, так и в области гражданских дел, сохраняется именно для того, чтобы можно было обеспечить единство рево-

люционной законности, ибо то, что говорил Владимир Ильич в своем знаменитом письме о прокуратуре, именно его мысль о том, что законность не может быть калужской и казанской, а должна быть единой всероссийской, применима не в меньшей степени и к суду. Мы все помним слова Ленина: «Законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской».

С'езд будет иметь возможность во время обсудить постановления только-что указанного совещания, высказаться по существу и внести, если он найдет нужным, те или иные изменения.

С'езд заслушает доклад о проекте Кодекса законов о браке, семье и опеке и будет иметь по нему суждение. Еще 14 ноября прошлого года мы в циркулярном порядке предложили всем губернским и областным судам через народные суды выявить основные недостатки действующего Кодекса и учесть опыт мест по делам об имущественных спорах супругов, состоящих в фактических брачных отношениях, не зарегистрированных в органах ЗАГС, особенно по делам о семейно-имущественных разделах и выделах по искам женщин-крестьянок; учесть опыт судебной практики по делам о признании недействительными браков лиц, состоявших в браке в момент регистрации другого брака; учесть данные судебной практики по делам о взыскании алиментов; собрать, по возможности, данные для учета дел, в которых на суды присуждали выделяемым женщинам-крестьянкам содержание для детей; выявить имевшиеся в практике судов случаи шантажа на почве применения законов об отцовстве и взыскании алиментов; учесть опыт применения статьи 165-а Уголовного Кодекса и т. д.

Мы полагаем, что материалы различного рода совещаний и резолюции, а также материал учета за последние несколько месяцев судебной практики по

указанным категориям дел будет систематизирован нашими судебными работниками. Если они этот материал с собой привезут, то он безусловно сможет послужить лучшей основой для обсуждения проекта нового Кодекса на С'езде.

В повестке дня С'езда стоит еще вопрос о применении НОТ в органах юстиции. Этот вопрос очень злободневный. Научная организация труда у нас еще далеко не поставлена, а поставить ее нужно во что бы то ни стало.

Наконец, мы надеемся, что С'езд поможет нам учесть опыт «Еженедельника Советской Юстиции» и других изданий Наркомюста. Нужно думать, что общими средствами нам удастся выработать некоторые меры улучшения постановки изданий по советскому праву. Нам, с одной стороны, необходимо поставить научную разработку нашего права, а, с другой стороны, с еще большей настойчивостью направляется потребность в широкой популяризации нашего права, ибо, как мы уже сказали выше, распространение знаний нашего права, распространение знания наших законов среди населения есть, азбука, в буквальном смысле слова, укрепления революционной законности. Изданные Советской властью законы проникнуты защитой интересов нашей революции и рабоче-крестьянского населения, но рабоче-крестьянское население этих наших законов для него и в его интересах изданных, не знает, а оно их должно знать. На органах советской юстиции в первую голову лежит забота о том, чтобы население законы знало.

Вот в самых общих чертах смысл и значение порядка дня, который Коллегия Народного Комиссариата Юстиции наметила для назначенного на 12 апреля т. г. VI С'езда Деятелей Юстиции РСФСР.

Само собой разумеется, что страницы «Еженедельника Советской Юстиции» широко открыты для дискуссионного освещения всех вопросов, которые уже намечены или которые могут еще возникнуть в связи с предстоящим с'ездом.

Пределы применения ст. 4-а УПК.

(По поводу ст. тов. Кронберга *).

Вокруг ст. 4-а УПК снова возгорелись споры. Президиум Верховного Суда постановил поставить на обсуждение пленумов губернских судов вопрос о пределах применения ст. 4-а УПК в судах первой инстанции и при кассационном рассмотрении дел. О количестве дел, прекращенных по ст. 4-а УПК в порядке следственного производства, Прокурор Республики запросил все губернские прокуратуры. Наконец, на страницах нашего «Еженедельника» две противоположные точки зрения по этому же

вопросу нашли выражение в ст. ст. заместителя председателя Верховного Суда, т. Галкина, с одной стороны, и заместителя председателя уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда, тов. Кронберга, с другой.

Все это показывает, что вопрос о ст. 4-а неясен, что внесение в него ясности крайне необходимо потому, что по этому вопросу существуют чуть ли не исключющие друг друга точки зрения. Поскольку для практики судов этот вопрос о пределах при-

*) См. № 7 „Еж. Сов. Юст“

менения ст. 4-а УПК имеет первостепенное значение, мы считаем необходимым поставить во всей широте прежде всего вопрос о самом существовании этой статьи, а отсюда и вопрос о выводах, трактующих о пределах ее применения.

В чем суть спора вокруг ст. 4-а УПК?

Тов. Кронберг прав в том отношении, что, пожалуй, это самая боевая статья, ибо она действительно больше, чем какая-либо другая, отражает те тенденции, с которыми, по моему мнению, действительно нужно бороться последовательно, самым сосредоточенным огнем и самым усерднейшим прицелом, по крайней мере, с тем толкованием этой статьи, которое желательнее в нее вложить тов. Кронбергу.

«Если есть,—пишет далее Кронберг,—проверенные практикой статьи, то ст. 4-а должна быть отнесена на почетное место, потому что она родилась не в кабинете, а дана жизнью и жизнью властно включена в УПК».

Совершенно верно, эта статья не родилась в кабинете, как не родились в кабинете и идеи т. Кронберга, против которых мы считаем необходимым вести борьбу и которые находят именно в этой статье наиболее удобный путь для своего проявления в судебной практике: она, именно, создана ими и ими же включена в УПК. Но это только означает, что живы эти идеи, что необходимо еще раз подвергнуть принципиальному рассмотрению вопрос о содержании этих идей, чтобы раз навсегда разрешить вопрос о пределах тех уступок, на которые можно пойти в отношении их, если вообще должно этим тенденциям уступать.

Мы считаем поэтому необходимым раньше, чем перейти к анализу самой статьи и истории ее, дать анализ этих идей, что такое эти самые идеи и почему они так тесно связываются со ст. 4-а УПК.

Если бы мы хотели грубо формулировать эти идеи, мы бы их формулировали, как тенденции, провозглашающие высшим разумом в момент судебного разбирательства, высшим критерием, в зависимости от которого должно получиться разрешение дела, голое усмотрение судьи, признание им, судьей,—все-равно единоличным или коллективным—правильным его понимания обстоятельств дела, не считаясь не только с фактами, но и с писаными законами и нормами, которые государственная власть и правящий авангард рабочего класса поставили в качестве указующих директив судебной деятельности. Это свободное усмотрение, граничащее с произволом, могло бы быть еще грубее выражено в формуле: «хочу казнь, хочу милую». Это и проповедует т. Кронберг, когда хватается за ст. 4-а УПК, дающую ему возможность проявить этот произвол в одном, по крайней мере, отношении: в праве прекращения дел не на основании признаков отсутствия состава преступлений, по давности или по иным, предусмотренным законом мотивам, а исключительно исходя из соображений «революционной целесообразности».

Как мы видим, это тот же спор, который мы ведем с сторонниками этих тенденций и в другой области: по вопросу о степени обязательности вообще наших законов для судов, с тов. Нехамкиным и Кронбергом по вопросу о праве кассационных инстанций прекращать дело, по которому суд первой инстанции вынес приговор к расстрелу,—со всеми сторонниками этих тенденций всякий раз, когда они хотят на место указаний и директив центральной

государственной власти поставить, в качестве решающего момента личное усмотрение.

Как возникла ст. 4-а УПК?

Ее история в достаточной степени интересна, чтобы показать, каким образом эти тенденции пользуются всяким случаем для того, чтобы оказать свое влияние, и как бдителен именно по отношению к этим тенденциям должен всегда быть законодатель.

Ст. 4-а возникла как ответ на практические потребности жизни—дать народным судам, прежде всего народным судам и, главным образом, именно им, возможность разгрузить себя от массы мелких, ничтожных по своему содержанию и ничтожных по своим результатам уголовных дел, таких дел, как дела о мелких кражах, мелких пропажах и т. д., по которым, благодаря слабости нашего госаппарата, неналаженности его периферийных органов, производство тянется месяцами, людей тянут месяцами в суд в то время, как весь вопрос, из-за которого загорелся сыр-бор, не стоит тех затрат, которые приходится нести государству и сторонам на рассмотрение и участие в рассмотрении подобных дел. Поэтому и была задумана статья, которая дала бы возможность суду в распорядительном заседании, а следственному аппарату и прокурорскому надзору и раньше прекращать такие дела, в виду явной нецелесообразности их дальнейшего производства, в силу явной же маловажности этих дел и незначительности наступивших от их совершения вредных результатов.

Принципиально такое право суда мотивировалось основной идеей нашего уголовного права, заключенной в 5 и 6 ст.ст. общей части нашего Уголовного Кодекса и 4-а ст. нашего Уголовно-Процессуального Кодекса, о том, что государство применяет средства репрессии лишь в отношении тех лиц, которые представляют социальную опасность для общества. Такой социальной опасности не могут представлять из себя лица, совершившие исключительно мелкие по своему содержанию и последствиям преступления. Для этого была задумана возможность дать суду право, исходя из общей генеральной идеи—борьбы с социальной опасностью, несмотря на формальные признаки преступления, постановлять о прекращении дела.

Что вопрос шел именно так, было настолько ясно первоначальным авторам ст. 4-а, что они даже не различали в своем сознании момента совершения преступления от момента прекращения дела, вполне основательно полагая, что по такого рода мелким делам эти моменты не могут быть разделены между собой длительно во времени и что поэтому различать оба эти момента в законе нет нужды.

Можно ли опоздать в целесообразности и разумности такой постановке вопроса? Мы думаем, что нельзя, поскольку основным источником является объективно устанавливаемый факт отсутствия социальной опасности деяния.

Так ли, однако, вылилась в законодательстве и в жизни эта идея в дальнейшем ее развитии?

Нет, не только не так, а в направлении прямо извратившем ее основной смысл. В окончательную редакцию было включено дополнение, расширяющее это право суда и прокуратуры на прекращение дел не только по соображениям маловажности и

незначительности вреда, но и по соображениям нецелесообразности дальнейшего производства тех или иных дел вообще.

Такое указание фактически лишило суд всякого критерия при разрешении вопроса о том, когда же и какие именно соображения целесообразности или нецелесообразности должны каждый раз признаваться решающими. Этим как раз была открыта дорога к тому произволу и полному усмотрению в любой момент любого из всех органов, через которые проходит любое дело, о котором мы говорили выше; этим была открыта дорога к возрождению того, что провозглашалось как принципиальная идея до издания Уголовного Кодекса 1922 г. (в качестве высшего критерия — принцип «революционного правосознания») и чему были в свое время противопоставлен Уголовный Кодекс, как ряд нормативных указаний государственной власти. Поскольку же никакого критерия для разрешения вопроса о целесообразности или нецелесообразности не давалось, настолько отпадала и полная возможность какой бы то ни было проверки применения этого принципа целесообразности или нецелесообразности в кассационном или ином порядке. Ибо тем паче чудовищно было бы установить такой порядок, при котором раз прекращенное дело по «нецелесообразности» его дальнейшего ведения в одной инстанции могло бы быть вновь возбуждено при признании надзорной или кассационной инстанцией наоборот «целесообразности» его дальнейшего ведения.

Так ворвались сюда эти другие тенденции.

Гов. Кронберг прав, что эти тенденции достаточно сильны, имеют много сторонников, тенденции, которые, однако, парализуют всякую возможность руководства судебной работой, которые вышибают руль из рук руководителей, которые, будучи произведены последовательно, сводятся к отрицанию всякого руководства и проповеди полной самостоятельности любого судебного органа в любой момент, по любому делу в области прекращения дальнейшего производства по делам, без всякой возможности проверить мотивы, лежащие в основе этого прекращения.

Дальше наступил третий этап. Третий этап заключается уже в расширении количества органов, применяющих статью 4-а УПК. Следственный аппарат использовал ст. 4-а УПК для прекращения дел, которые у него по тем или иным причинам лежали мертвым грузом, для разгрузки себя от залежей таких дел. Отдельные суды стали применять ст. 4-а УПК по делам, возникшим по частным жалобам, при чем сплошь и рядом имеют место случаи, когда в ответ на жалобу отдельного гражданина на то, что некий другой гражданин его ударил по физиономии или пырнул ему в физиономию, прокурор или следователь заявляет: а мы считаем ваше дело несущественным, обиду, нанесенную вам, маловажной, и потому в порядке ст. 4-а УПК прекращаем ваше дело.

Наконец, встал вопрос, из-за которого сейчас и возник спор, о праве применения ст. 4-а УПК кассационными инстанциями, проверяющими дело, а отсюда было недалеко и до прекращения любого дела в порядке ст. 4-а УПК и надзорной инстанцией при истребовании дела в порядке надзора, при чем был поставлен и вопрос о праве использования последней инстанцией ст. 4-а УПК даже тогда, когда

первая инстанция иначе решила этот вопрос. Мотивы, положенные в основу этого решения, были те же: признание кассационной или надзорной инстанцией преступника не социально опасным в данный момент, независимо от того, был ли он опасен в момент совершения преступления.

Эта последняя теория нашла свое выражение в статье тов. Нехамкина в «Ежен. Сов. Юстиции», в которой он с торжеством, как о достойном всяческого подражания примере, рассказал о том, как кассационная инстанция Верховного Суда прекратила дело по ст. 4-а УПК по нецелесообразности его дальнейшего производства, по которому в первой инстанции человек был приговорен к расстрелу за контр-революционную деятельность.

Дальше действительно ехать было некуда. И тогда началась реакция против ст. 4-а УПК. Первые попытки ее ограничительного толкования Центральной Прокуратурой и Верховным Судом. Ограничения вначале вылились в запрещении применять ст. 4-а УПК в отношении дел, возникающих по частным жалобам. Второе ограничение было направлено против применения ст. 4-а кассационными и надзорными инстанциями.

Этот последний вопрос и находится в настоящее время на рассмотрении пленумов губернских судов.

Не предприняв пока вопроса о том, как высказываются эти пленумы, мы позволим себе формулировать наши предложения, хотя бы для того, чтобы внести ясность в ту путаницу, которую внесли в судебную практику идеи «широкого» применения ст. 4-а УПК.

Прежде всего необходимо разграничить два совершенно различных вопроса: 1) вопрос о действительном месте ст. 4-а УПК и 2) вопрос о праве суда прекращать производство по мотивам отсутствия элементов социальной опасности преступника в момент рассмотрения его дела, все равно в какой инстанции — первой или кассационной. Это — два совершенно различных вопроса.

Нов ли этот последний принцип? Нет, он не нов. Этот принцип был в свое время выражен в «Руководящих началах» в 1919 г. Этот принцип затем был забыт нашим Уголовным Кодексом. Целесообразно ли его восстанавливать? Мы считаем, что может быть и целесообразно, но лишь как особый специальный закон, как специальную статью материального и процессуального права, с точно ограниченными и в законе определенными порядком и случаями для ее применения. Мы считаем: 1) что такое право может принадлежать лишь кассационной инстанции Верховного Суда или пленумам губернских судов, 2) что оно не может быть распространено на все до одного преступления, ряд которых должен быть выделен, 3) что для постановки вопроса о таком прекращении дела необходимо наличие ряда серьезных оснований, которые должны быть определенным образом в законе оговорены и т. д.

Это — первое, что должно быть сделано в порядке исправления редакции ныне действующей ст. 4-а УПК. Она должна быть разделена на две половины. Что касается ее первой половины, то мы полагаем, что она должна быть восстановлена так, как она редактирована в первоначальном тексте, и касаться только маловажных и незначительных дел; мы не

считаем возможным распространить ее даже на дела, разрешаемые губернскими судами,—она должна остаться исключительно прерогативой народных судов, куда может направить на такое прекращение дела и следственный аппарат и прокурорский надзор; и, наконец, в-третьих, кассационная инстанция и надзорные этого права должны быть совершенно лишены.

И четвертое. По вопросу о праве суда прекращать дела по соображениям «нецелесообразности» их дальнейшего производства, без каких-либо конкретных указаний на критерий, по которому можно признать целесообразным или нецелесообразным проведение того или другого уголовного дела,—такое право должно быть совершенно изъято у каких бы то ни было судебных учреждений. Его нельзя смешивать с первым правом—прекращения дел по исчезновении элементов социальной опасности у совершившего преступление, не должно смешивать с прекращением дел по причинам маловалности и незначительности вреда, его нельзя смешивать и с прекращением дел по давности. Эта возможность прекращения дел по нецелесообразности их дальнейшего производства должна остаться исключи-

тельной прерогативой тех органов, которые эту прерогативу уже имеют,—прерогативой ВЦИК. Ни судам, ни судебным работникам вмешиваться в эту область нельзя. Пусть там господствует то политическое усмотрение, носителями которого эти органы призваны быть.

Вот последнее разделение, которое должно быть точно проведено законом и ограничено от судебной деятельности целиком.

Мы считаем, что в итоге дискуссии эти три случая возможности прекращения дел должны быть твердо усвоены нашими судебными работниками; мы полагаем, что они должны найти свое точное и недвусмысленное отражение в законе. Только тогда можно пойти на сохранение ст. 4-а УПК при таком ее изменении. В противном случае лучше ее вычеркнуть целиком из нашей судебной практики и нашего УПК, потому что, кроме сумбура, и произвола, она ничего породить не может. И весьма сомнительна польза, которую она уже принесла, по сравнению с тем вредом, который она причинила и в области практического ведения дел, и по той путанице, которую она породила в сознании ряда судебных работников.

Н. Крыленко.

Распределение национализированных и муниципализированных строений *).

(К декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 30/XI—25 г.).

Вопрос о разграничении национализированных и муниципализированных строений является, несомненно, одним из актуальных вопросов как для государственной промышленности, так и для исполкомов и их органов. Насколько вопрос этот до настоящего времени был спорным в сфере взаимоотношений государственных предприятий с исполкомами, нетрудно усмотреть из целого ряда решений арбитражной комиссии при СТО и арбитражных комиссий при ЭКОСО, на рассмотрение которых поступали этого рода дела в большом количестве на протяжении всех лет работы названных комиссий (решения АК СТО от 4/XII 1923 г., от 12/XI 1923 г., 27/V 1924 г., 25/IV 1924 г., от 27/XI и 30/XII 1924 г. и др.). Поэтому декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 30 ноября 1925 г. о порядке пользования таковыми («С. У.» № 86, ст. 638) имеет большое значение, как первая попытка распутать законодательным путем клубок спорных отношений госпредприятий и исполкомов между собою в области претензий на те или иные строения.

Однако, этот декрет при детальном его рассмотрении едва ли может быть признан вносящим полную ясность в данный вопрос, и на местах при практическом подходе к делу между промышленностью и коммунальными органами, надо думать, возникнут большие разногласия. Поэтому к оценке данного декрета необходимо подойти с точки зре-

ния исторического развития постановлений о муниципализации и национализации.

Основной декрет ВЦИК об отмене права частной собственности на недвижимость в городах от 20/VIII 1918 г. («С. У.» № 62, ст. 674 1918 г.) статьей первой отменил в городах право собственности на «участки» как застроенные, так и незастроенные, хотя бы принадлежащие промышленным предприятиям, а статьей 2 отменил «право частной собственности» на городские строения выше известной стоимости. Ст. 4 того же декрета указывала, что его действие не распространяется на строения, являющиеся необходимой принадлежностью промышленных предприятий, выявление же самого понятия «необходимой принадлежности» декретом было отнесено к специальной инструкции (прим. к ст. 4).

Из приведенных постановлений декрета с очевидностью вытекает, что все необходимые для предприятия (завода, фабрики) строения в коммунальный фонд не вошли. Городские исполкомы не вправе были распоряжаться теми строениями, которые, являясь необходимой принадлежностью предприятий, входили в состав их имущества ко времени национализации промышленности (декрет Совнаркома от 28/15 июня 1918 г.).

Из дальнейших постановлений о муниципализации строений следует вспомнить декрет ВЦИК от 14 мая 1923 г. («С. У.» № 44, ст. 465 1923 г.), где в пункте 4 признавались муниципализованными строения, которые были заняты до 22 мая 1922 г. «для государственных и приравненных к ним учреждений, находящихся в ведении местных исполнительных комитетов». Таким образом, этот декрет

*) Помещая статьи Жудро и Каба, Редакция предполагает в ближайших номерах дать статью, освещающую точку зрения Гл. Упр. Комм. Хозяйства по вопросам, затрагиваемым в настоящих статьях.

относил к категории муниципализированных лишь строения, занятые госпредприятиями в порядке отторжения их от бывш. владельцев («в революционном порядке», как говорил циркуляр НКЮ и НКВД № 269—«Е. С. Ю.» № 35 1923 г.), а не строения находящиеся в распоряжении предприятий в силу акта национализации самого предприятия.

Следует остановиться также на циркуляре Главного Управления Коммунального Хозяйства за № 225 от 7/VII 1922 г. («Бюллетень НКВД» № 27—22 г.), в котором названное управление, признавая, как общее правило, все городские дома (за исключением оставленных в частном обладании) муниципализированными, относил к числу национализированных строений дома, «составляющие общее достояние Республики» и находящиеся «в распоряжении и эксплуатации центральных органов Республики», а именно: а) домовладения, находящиеся на территории торгово-промышленных предприятий, состоящих в ведении ВСНХ и его органов, и б) домовладения специального назначения общегосударственного характера (воинские казармы, здания общегосударственных банков, университетов и т. д.).

Проводимое этим циркуляром ограничение прав предприятий на строения заводским забором неправильно с точки зрения хозяйственной и, несомненно, не соответствовало постановлениям о национализации промышленности.

Как известно, 28/15 июня 1918 года был издан декрет Совнаркома («С. У.» № 47, ст. 559 1918 г.) о национализации крупнейших предприятий по различным отраслям промышленности, согласно которого объявлялись собственностью РСФСР промышленные и торгово-промышленные предприятия «со всеми их капиталами и имуществом, в чем бы таковые ни заключались». Постановлением ВСНХ от 29 ноября 1920 г. («С. У.» № 93, ст. 512 1920 г.) были национализированы все частные промышленные предприятия с определенным числом рабочих, при чем «все имущество, дела и капиталы предприятий, где бы это имущество ни находилось и в чем бы оно ни состояло» объявлялось собственностью государства (п. 2). Декретом ВЦИК от 27/X 1921 г. («С. У.» № 72, ст. 583 1921 г.) было объявлено, что все предприятия, фактически до 17 мая 1921 г., поступившие во владение органов государственной (центральной и местной) власти, являются национализированными.

Завершением постановлений о национализации предприятий являются декреты о трестах от 10 апреля и 17 июля 1923 г., согласно которых (ст. 16 и ст. 14 названных декретов) в состав основного капитала трестов входят «фабричные и другие строения». Инструкция же по составлению сводной инвентарной описи имущества (приказ по ВСНХ от 7/VIII 1923 г. № 446 в п. 3 развизает указание декретов о трестах, разделяя строения на: а) фабрично-заводские, предназначенные для производства, б) складочные и другие вспомогательные фабрично-заводские здания, в) жилые постройки с относящимися к ним службами и г) прочие.

Инструкция ВСНХ СССР (приказ ВСНХ СССР от 26/VIII—25 г. за № 1156) подразделяет (§ 6) строения предприятия на: а) здания производственного значения; в эту категорию имущества, по указанию инструкции, включаются строения, используемые для целей производства и всех связанных с ним

прямых и вспомогательных производственных операций, а именно: фабричные здания, помещения мастерских и др.; б) здания, обслуживающие производство (конторы, сторожки, склады, сараи для разного рода материалов и товаров и др.; в) жилые и служебные постройки (строения, обслуживающие нужды служащих и рабочих, как: квартиры, казармы, столовые, сараи, школы, клубы, больницы и бани).

Из приведенных постановлений о национализации предприятий можно вывести совершенно ясное положение, что все строения предприятия («заведения»), поскольку они принадлежали последнему до национализации, поскольку они для него имеют экономическую ценность не только как известный капитал, но и потому, что они могут быть приспособлены для удовлетворения производственных или подсобных (расселение, например, рабочих) потребностей предприятия или служить источником извлечения для последнего доходов, должны считаться принадлежащими предприятию как составная часть всей национализированной массы, объявленной вышеуказанными постановлениями правительства государственной собственностью. Нахождение строения на заводской территории или за ее пределами с точки зрения приведенных постановлений не имеет значения для признания строения национализированным, так как в самих постановлениях категорически было указано, что предприятия национализуются со всем их имуществом, в чем бы оно ни заключалось и где бы ни находилось, и под предприятием постановления о национализации понимали не группу зданий и корпусов, расположенных на одной территории, а то хозяйственное объединение, которое независимо от расположения строения в одном или нескольких местах в целом направлено на достижение определенных, поставленных перед предприятием (заводом, фабрикой) производственно-экономических задач и целей. Что в оценке состава имущества завода признак территориальности не может иметь решающего значения, это подтверждается тем, что и в понимании декретов о трестах предприятие есть не что иное, как объединение производственных единиц—заводов и фабрик (ст.ст. 1 и 3).

В одном из своих решений АК СТО (реш. от 19/IX—24 г.) по делу Егорьевско-Раменского хлопчатобумажного треста к Егорьевскому исполкому, подходя к оценке вопроса о признании спорных строений национализированными или муниципализированными совершенно справедливо указывала: «положение о национализации предприятий от 29/XI 1920 г. и другие изданные по этому поводу постановления правительственной власти имели своей целью обеспечить промышленные предприятия, объявленные собственностью Республики, всеми теми материальными ценностями, которые обслуживали эти предприятия до их национализации, чем и объясняются категорические указания упомянутого положения на то, что предприятия национализуются во всем составе их имущества, в чем бы оно ни состояло и где бы оно ни находилось». В этом же решении указывалось, что «в соответствии с точным смыслом законоположений о национализации промышленных предприятий» спорные строения должны считаться национализированными вместе с фабрикой, при чем «на судьбу этих строений не могло оказывать влияния то обстоятельство

ство, что они находились не на самой территории фабрики, а в других частях города». В этом же духе АК СТО были вынесены и другие решения по аналогичным делам.

Приблизительно в том же направлении высказывается Верховный Суд РСФСР в определении от 7 мая 1925 г. «При национализации, — говорит Верховный Суд, — имеется в виду дальнейшее использование промышленного предприятия средствами государства, поэтому национализация распространяется не только на материалы и орудия производства, но и на самое помещение, необходимое для дальнейшей деятельности предприятия». (Дело МУНИ с гр. Хаустовым).

В другом своем определении Верховный Суд отмечает значение факта вхождения строения в имущественную массу предприятия к моменту национализации последнего. Здесь Верховный Суд указывает, что при решении вопроса о вхождении дома в состав имущества предприятия надо исходить из того фактического положения, «которое существовало к моменту Октябрьской революции»; иначе говоря, Верх. Суд подчеркивает важность вхождения строения в число имущественных ценностей предприятия к моменту национализации для разрешения вопроса об отнесении данного строения к числу национализированных или муниципализированных.

Таким образом, из содержания вышеуказанных постановлений о муниципализации строений и национализации предприятий можно точно установить: 1) декреты, провозгласившие муниципализацию частных строений, как по времени их издания (хронология дат), так и по содержанию своему не регулировали судьбы строений, входящих в состав имущества предприятий, объявленных государственной собственностью, судьба каковых строений вне зависимости от нахождения их на заводской территории или вне ее определялась исключительно постановлениями о национализации предприятий; 2) поскольку строение не входило в имущественную массу предприятий ко времени его национализации или не было передано предприятию в последующее за национализацией время особыми постановлениями правительственных органов (особый акт национализации), поскольку строений было изъято предприятием из частного владения в порядке революционном, постольку такое строение относится к муниципализированным; 3) строение, входящее в основной капитал государственного предприятия, как переданное ему государством (ст. 6 декрета о трестах), является национализированным.

Посмотрим теперь как отграничивает декрет от 30 ноября 1925 г. национализированные строения от муниципализированных и насколько этот декрет совпадает с положениями, провозглашенными прежде изданными постановлениями в этой области.

Декрет признает национализированными (ст. I): а) строения, которые принадлежали государству до 7 ноября (25 октября) 1917 г. и продолжают использоваться ко дню издания настоящего постановления непосредственно для своих нужд соответствующими центральными ведомствами или их местными органами; б) строения, которые на основании специальных постановлений ВЦИК и СНК РСФСР признаны национализированными и закреплены постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР за центральными ведомствами, а также за учреждениями и

предприятиями, имеющими общегосударственное значение и непосредственно подчиненными центральным ведомствам, если таковые строения продолжают полностью или в большей своей части непосредственно использоваться ко дню издания настоящего постановления соответствующими органами; в) строения, составляющие необходимую принадлежность национализированных фабрик, заводов и иных промышленных предприятий и неразрывно связанные с их производством, входящие при этом в состав уставного капитала соответствующих предприятий, независимо от того, расположены ли эти строения на территории данного предприятия или вне ее; г) строения, специально сооруженные для нужд военного ведомства.

Остановимся прежде всего на п. «в» (этот пункт предопределяет судьбу большей части строений госпромышленности), требующем для признания строения национализированным, чтобы оно составляло необходимую принадлежность предприятия (а отсюда его заведения, завода, фабрики), было неразрывно связано с производством и входило в состав уставного капитала предприятия (поскольку закон связывает эти три условия между собою, постольку следует заключить, что законодатель требует наличия всех этих трех условий для признания строения национализированным). Декрет не придает значения местонахождению строения, в этом отношении он пошел всецело за основными постановлениями о национализации промышленности и отверг путь, который избрало Главн. Управл. Комм. Хоз. в своем вышеупомянутом циркуляре за № 225—22 г. Указание декрета на то, что строение должно составлять «необходимую принадлежность», взято из декрета от 20/VIII 1919 г. об отмене частной собственности в городах (ст. 4), но декрет не расшифровывает понятия «необходимая принадлежность», определение какового по мысли декрета 18 г. должно было быть дано специальной инструкцией (до сего времени неизданной). Между тем, это указание, повторенное законодателем вновь через 7 лет, не является достаточно ясным (раз даже сам законодатель признавал необходимость издания инструкции) и при толковании, несомненно, вызовет на местах разногласия. Не является ясным также и другой признак, выдвигаемый п. «в»: неразрывная связанность с производством.

На первый взгляд кажется, что неразрывную связь с производством имеют только фабрично-заводские корпуса, которые предназначены для производства или играют вспомогательную роль в производстве (например, складские помещения). Но такое узкое толкование п. «в» было бы несогласно с вышесказанным о национализации предприятий, в виду чего заводские строения, используемые, например, для жилищ рабочих и служащих, должны быть признаны подходящими под разбираемый пункт декрета от 30/XI, т. к. такого рода строения, несомненно, необходимы для завода и связаны с производством, поскольку близость рабочих жилищ от мастерских способствует успеху работы. Совершенно правильно АК СТО в решении по делу Массальского укоммунотдела с правлением треста объединенных заводов (реш. от 27 мая 24 г.) указывает, что при национализации фабрично-заводских предприятий должны считаться национализированными не только фабрично-заводские корпуса, но и подсобные строения, связанные

с общим хозяйственным назначением и составляющие с указанными корпусами одно хозяйственное целое, необходимое в своей совокупности для правильного функционирования предприятия.

Приведенный пример указывает, что текст декрета в п. «в» не может быть признан вполне исчерпывающе разрешающим проблему о национализированных предприятиях и на местах при его применении вызовет неизбежные недоразумения. А, между тем, то или иное толкование этого пункта может иметь громадные последствия для промышленности, т. к. ограничительное толкование этого пункта приведет к неминуемому отторжению от госпромышленности значительного количества строений, иначе говоря, к уменьшению уставного капитала госпредприятий.

Далее, к какой категории домов следует, с точки зрения п. «в», отнести строение, входящее в уставной капитал предприятия, но к моменту издания декрета от 30/XI находящееся в пользовании постороннего для предприятия органа? Налицо нет неразрывной связи с производством, а отсюда как будто строение не составляет «необходимой принадлежности» данного предприятия. Ведь указание п. «в» на связь с производством, повидимому, заменяет собою требование, выдвинутое декретом в первых двух пунктах ст. I о непосредственном использовании строений, упомянутых в этих пунктах категорий. Однако, сделанный вывод не может быть признан соответствующим опять-таки тем же постановлениям о национализации промышленности и безусловно ударит по ее интересам, т. к. в уставных капиталах госпредприятий состоят иногда строения, необходимые для них и могущие быть ими использованными для производства, но в силу тех или иных условий предшествующего переходного времени эксплуатируемые исполкомами и их органами. В данном случае нет ошибочного или неправильного включения в уставный капитал госпредприятий таких строений, т. к. это включение было естественным результатом акта национализации завода со всем его имуществом. Последующее после национализации завода временное неиспользование их строения и эксплуатация его органом исполкома не в силу юридических оснований, а *de facto* (фактически), не может, казалось бы, влечь за собою признание этого строения муниципализированным и исключение его из уставного капитала, как следствие этого признания.

Наконец, при осуществлении п. 5 декрета от 30/XI может возникнуть вопрос о судьбе тех или иных строений консервированных заводов, в отношении каковых строений установление живой производственной связи с заводом, как хозяйственной единицей, представится затруднительным и может вызвать поползновение исполкомов к отторжению от государственной промышленности тех или иных строений консервированных заводов.

Постановление ВЦИК от 14 мая—23 г. признает муниципализированными (а не национализированными) строения, изъятые госпредприятиями от бывших владельцев до 22/V—22 г. С точки зрения п. «в» такое строение, поскольку оно связано с производством и необходимо заводу, поскольку трест включил его в свой уставный капитал (не будем говорить, правильно или неправильно), постольку это строение, согласно последнему декрету, должно

считаться национализированным, и, таким образом, с точки зрения п. «в» постановление от 14 мая в этой своей части должно считаться не имеющим решающего значения.

Все сказанное о п. «в», думается, приводит к заключению, что в этой своей части декрет от 30/XI не дал вполне отчетливого разграничения национализированных и муниципализированных строений и не сможет ликвидировать те разногласия, которые возникали между госпредприятиями и коммунальными органами.

Высказанное мнение о неизбежных разногласиях подтверждается циркуляром НКВД за № 683 от 23/XI—25 г. («Бюллетень НКВД» № 1—2—26 г.), в котором указывается исполкомам на возбуждение ходатайств об исключении из уставных капиталов госпредприятий строений, вошедших «в состав национализированных имуществ промышленных фирм, если эти строения не являются необходимой принадлежностью предприятия и не связаны неразрывно с их производством».

П. «а» ст. I признает национализированными, как выше сказано, строения, принадлежащие государству до 7 ноября 1917 г. и используемые к 30/XI—25 г. непосредственно для своих нужд соответствующими центральными ведомствами или их местными органами. Речь, следовательно, идет о домах, в дореволюционное время принадлежавших государству. К этой категории относятся прежде всего те здания, перечень которых (на наш взгляд, примерный) давало ГУКХ в своем циркуляре № 225 (раздел «б» п. 2), при чем указание циркуляра на специальное назначение домовладения и притом общегосударственного характера ноябрьским декретом заменено условием использования этих зданий соответствующими центральными ведомствами (или их местными органами).

Под действие этого пункта, казалось бы, должны подходить и те строения, которые входили в состав имущества бывш. до революции государственных заводов. До декрета от 30/XI ни в одном постановлении Правительства о национализации промышленности не определялась судьба этого рода зданий, и это молчание было понятно: законодательство шло по пути огосударствления частной промышленности, судьба же государственных предприятий, с точки зрения новых, провозглашенных революцией принципов строительства народного хозяйства, была ясна. В настоящее же время, когда декрет от 30/XI подошел к вопросу о разграничении национализированных и муниципализированных строений с желанием исчерпывающе разрешить этот вопрос, строения, бывшие и до революции государственных заводов и фабрик, не могли ускользнуть из поля зрения законодателя. Указание декрета на использование этих зданий к 30/XI заменяет собою условия, выдвигаемые п. «в» о необходимой принадлежности строения заводу (предприятию) и о связи с производством, т. к. эти оба условия, по мысли законодателя, тем самым означают и непосредственное использование, а указания на вхождение в уставный капитал предприятия для строений, всегда принадлежавших государству, особо не требовалось, т. к. самый факт происхождения этих домов от государства и продолжавшееся их использование ведомствами и их органами говорит за то, что эти строения не могут быть отнесены к категории муниципализированных.

Обращаясь к п. «б» ст. I, следует прежде всего отметить, что декрет требует, чтобы налицо было: а) специальное постановление ВЦИК и СНК РСФСР о национализации строения, б) особое постановление тех же органов о закреплении строения за центральными ведомствами, учреждениями и предприятиями общегосударственного значения, подчиненными непосредственно центральному ведомству, и в) факт использования строения к 30/XI—25 г.

П. «б» имеет большое значение для государственной промышленности в виду того, что он открывает возможность государственным предприятиям включать в свой уставный капитал закрепленные за ними дома в силу отнесения их к категории национализированных, что до настоящего времени не было ясно выражено в законе.

Декрет от 30/XI не определяет понятия закреплённости дома, в виду чего необходимо обратиться к постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 4/V—25 г. о закреплённых домах («Изв. ЦИК» № 123—25 г.), отнесшему к категории закреплённых домов: а) дома, закреплённые постановлениями центральной или местной власти до 1 января 1924 г., б) дома специального назначения, как-то: школы, больницы, воинские казармы, банки, в) дома, находящиеся на территории функционирующих фабрик и заводов.

Из сопоставления обоих названных постановлений усматривается: 1) что дома, закреплённые постановлениями местной власти, признаются декретом от 30/XI муниципализированными; 2) что дома, закреплённые постановлениями ВЦИК и СНК, относятся к категории национализированных вне зависимости от даты их закрепления (постановление устанавливало дату—1 мая 24 г.) при наличии особого постановления о национализации закреплённого дома. Если же этого последнего постановления нет, закреплённый дом, удовлетворяющий двум другим условиям п. «б» декрета от 30/XI, не мог быть, казалось бы, отнесен к числу национализированных; 3) для признания закреплённого дома национализированным не требуется обязательное нахождение его на заводской территории.

Указание п. «б» на специальное постановление о национализации, несомненно, суживает возможность отнесения к числу национализированных домов строения, закреплённые особыми постановлениями ВЦИК и СНК. Так, например, не могут, повидимому, считаться национализированными строения, расположенные на территории, отведенной заводу в порядке землеустройства, находившиеся в арендном пользовании завода по договору с коммунальным отделом, а затем особым постановлением ВЦИК закреплённые за заводом. Исходя из текста п. «б», следует признать, что как-будто эти строения не могут быть отнесены к числу национализированных из-за отсутствия специального постановления о национализации. Такое разрешение вопроса о судьбе указанных строений вряд ли может быть признано, с точки зрения интересов промышленности, целесообразным, коль скоро законодательные органы закрепили эти строения за заводом и фактически изъяти их из ведения и эксплуатации местного совета.

П. «б» майского постановления относит к закреплённым домам, между прочим, школы и больницы. Эти дома специального назначения могут быть отнесены к числу национализированных по признаку закрепления лишь в том случае, если

они удовлетворяют условиям, выдвинутому п. «б» декрета от 30/XI (специальные постановления о национализации и закреплении), но если строения, используемые под школы и лечебные учреждения, входят в состав имущества госпредприятия (как строения, принадлежащие заводу к моменту его национализации), то они являются национализированными и особого закрепления их не требуется (эти здания подходят под п. «в» декрета от 30/XI). Этот вывод также подтверждается примечанием к ст. 2 пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 30/III—1925 г. («Изв. ЦИК» № 82—25 г.). Таким образом, больничное здание может быть причислено к категории национализированных, когда оно, не входя в основную имущественную массу предприятия при его национализации, было закреплено за ним особым постановлением ВЦИК и СНК сверх специального постановления названных органов о национализации этого здания.

Сказанное по содержанию декрета от 30 ноября 25 г. приводит к желательности внесения в него ряда дополнений, именно:

а) Желательно уточнить понятия «необходимой принадлежности» предприятия (п. «в») и неразрывной связанности строений с предприятием для устранения возможных споров о судьбе строений, использование коих предприятием не позволяет признать их всецело обращенными для удовлетворения нужд производства, как такового.

б) Желательно, чтобы законодательными органами был подтвержден принцип признания национализированными всех строений, перешедших к государству из частного обладания в силу декретов о национализации промышленности. Отнесение этих строений к числу муниципализированных допустимо было бы по соображениям хозяйственной целесообразности (каковая подлежала бы установлению арбитражными комиссиями или судами).

в) Следовало бы установить законодательным путем, что строения, занятые госпредприятиями (учреждениями) у прежних владельцев до 22/V—22 г., даже при невключении их своевременно в уставный капитал подлежат отнесению к категории национализированных.

г) Не лишне было бы уточнить п. «а» ст. I декрета в смысле указания на строения бывш. и до революции государственных (казенных) заводов.

д) Желательно в декрет о распределении национализированных и муниципализированных строений ввести пояснение понятия закреплённости дома с исключением из условий признания закреплённых домов национализированными требования (п. «б») о специальном постановлении о национализации.

Остается в заключение настоящей статьи остановиться на вопросе о применении декрета от 30/XI к предприятиям союзного масштаба. Думается, что этот декрет не может применяться к названным предприятиям при составлении погубернских списков (ст. 5).

В декларации об образовании СССР в качестве одного из аргументов объединения республик указывается на то, что «восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик». В связи именно с необходимостью указанного объединения по линии восстановления государственного хозяйства и достижения благоприятных хозяйственных резуль-

татов в работе госпромышленности к ведению СССР, в лице его верховных органов, между прочим, отнесено «установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, определение отраслей промышленности и отдельных промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение» (п. «з» ст. 1).

В ст. ст. 49—52 Конституции СССР указывается, что «для непосредственного руководства отдельными отраслями государственного управления, входящими в круг ведения Совнаркома Союза ССР», образованы 10 народных комиссариатов (общесоюзных и объединенных), в том числе ВСНХ (объединенный).

П.п. «и» и «д» ст. 2 положения о ВСНХ СССР («С. У.» № 109—110, ст. 1039—1923 г.) относят к ведению ВСНХ: управление гос. промышл. предприятиями общесоюзного значения, составление производственного плана и бюджета промышленности общесоюзного значения, рассмотрение производственных планов и промышленных бюджетов высшего совета народного хозяйства союзных республик, составление общего производственного плана и бюджета промышленности Союза ССР. Если обратиться к положению о СТО СССР («С. У.», № 95, ст. 946—1923 г.), то в нем можно найти указание (в п. «в» ст. 3), что в круг ведения СТО входит «рассмотрение положения различных отраслей народного хозяйства (финансов, промышленности, торговли и транспорта), имеющих общесоюзное значение, и принятие необходимых мероприятий для их развития».

Из приведенных постановлений Конституции СССР усматривается, что регулирование имущественного положения и работы госпредприятий союзного значения возложено на союзные органы.

Декрет от 30/XI при его применении на местах повлечет несомненное изменение в составе основного капитала госпромышленности (в сторону изъятия части строений из капитала промышленности), каковое изменение не сможет отразиться на общем положении промышленности.

В виду этого и поскольку имущественный состав союзных предприятий (п. «е» ст. 3 пол. о СТО, ст. 10 декрета о трестах от 10 апреля 1923 г.) и весь план работы этих предприятий и союзной промышленности в целом регулируются соответствующими органами Союза ССР, декрет ВЦИК и СНК РСФСР, казалось бы, не подлежит распространению на союзные предприятия.

Между тем, на местах декрет, повидимому, толкуется в смысле обязанности всех комиссариатов представить требуемые декретом списки в губернские комиссии (по крайней мере, объявление Моск. губ. комиссии по рассмотрению списков национализированных строений («Изв. адм. отд. Моск. совета»,

№ 10—1926 г.), возлагает эту обязанность на все комиссариаты и центральные ведомства, без выделения комиссариатов Союза).

В только-что вышедшем журнале «Революционная законность» (№ 1—2) В. Бельдюгин в статье, посвященной также декрету от 30/XI, между прочим, высказывается за распространение декрета на союзные предприятия.

Думается, что такой подход к нашей союзной промышленности все же неправилен и не отвечает всем вышеизложенным постановлениям Конституции СССР.

Раз законодатель нашел необходимым в интересах народного хозяйства Советского Союза в целом выделить из управления органов союзных республик определенные предприятия, раз законодатель признал, что в Союзе есть интересы, которые стоят над непосредственными интересами отдельных республик (в том числе развитие деятельности определенной группы предприятий), то совершенно очевидно, что декрет республиканского масштаба, подходящий к пересмотру имущественной базы существования предприятий, не может применяться к союзной промышленности.

Удачное на первый взгляд указание В. Бельдюгина (в качестве аргумента за распространение декрета) на применение Гр. Код. РСФСР к союзным предприятиям, находящимся на территории РСФСР, вряд ли парализует вышесказанное о нераспространении декрета от 30/XI на союзную промышленность. Если встать на ту точку зрения, что под действие названного декрета подходят союзные предприятия, то тогда нужно ли было бы вообще самое выделение союзных предприятий в особую группу? Гр. Кодекс РСФСР распространяется в пределах Республики на союзные предприятия лишь потому, что издание этого Кодекса относится к компетенции республиканского правительства, но отсюда не следует, что республиканское законодательство может регулировать интересы той группы предприятий, необходимые мероприятия для развития коих отнесены Конституцией СССР к компетенции союзных органов.

Заканчивая свой анализ декрета от 30 ноября 1925 г., я хочу сказать, что, несмотря на всю важность его, как первой попытки отграничения национализированных строений от муниципализированных, все же этот декрет требует уточнений и дополнений для того, чтобы споры между госпредприятиями и коммунальными органами о принадлежности тех или иных строений к одной из двух указанных категорий домов были окончательно изжиты. Такого рода постановление, казалось бы, подлежит изданию в порядке союзного законодательства.

Н. Жудро.

Национализированные и муниципализированные предприятия.

I.

Признание строений национализированными или муниципализированными давно уже вызывает споры вследствие родственности этих понятий.

Казалось бы, что понятия «национализация» и «муниципализация», известные нам уже с 1918 г., должны были в нашем сознании определиться с достаточной ясностью, так как процесс национализации и муниципализации начался с 1918 г. Об этом говорят нам давно декрет СНК от 28/XI—18 г. о национализации крупнейших предприятий и декрет ВЦИК'а от 20/VIII—18 г. об отмене права частной собственности в городах. Согласно этого декрета все городские земли и строения, которые соответственно сему декрету изъются из частной собственности, передаются в распоряжение органов местной власти (ст. 1).

Различие между национализированными и муниципализированными строениями и было впервые установлено декретом ВЦИК от 20/VIII—18 г., так как действие его не распространялось на строения, являющиеся необходимой принадлежностью промышленных предприятий (ст. 4). Раз'ясняя 11/VI—25 г. этот декрет, НКЮ говорит, что «он является основным источником прав местных советов на строения в городах, что ст. 4 вместе со ст. 14 сего декрета о строениях специального назначения общегосударственного характера создали в нашем праве различие между национализированными и муниципализированными строениями».

Уже из приведенных декретов можно усмотреть, что формальное различие национализированных и муниципализированных строений заключается в органах управления. Муниципализированные строения находятся в ведении местных советов, а национализированные—в ведении центральных органов. по существу же различие их заключается в характере строений: муниципализированные строения имеют местное значение, а национализированные строения имеют специальное назначение и носят общегосударственный характер. Впоследствии это различие было уточнено циркулярами Главн. Управл. Комм. Хоз. (НКВД) № 225 от 7/VII—22 г., который раз'яснил, что «национализированными домовладениями, составляющими общее достояние Республики и находящимися в распоряжении и эксплуатации центральных органов Республики, являются: а) домовладения, находящиеся на территории торгово-промышленных предприятий, состоящих в ведении ВСНХ и его органов; б) домовладения, имеющие специальное назначение и притом общегосударственного, а не местного характера. К таковым относятся: воинские казармы, здания государственных банков, здания, университетов и других высших учебных заведений, государственные музеи, картинные галереи и академические театры».

Существует мнение, что нет никакого различия между национализированными и муниципализиро-

ванными строениями. Так, например, Украинский Гр. Код. (ст. 22) не упоминает совсем о муниципализированных строениях. Можно также сослаться и на ст. 52 Гр. Код., согласно которой и национализированное и муниципализированное имущества составляют государственную собственность. Но при этом упускается из виду, что та же самая ст. 52 Гр. Код. различает национализированную и муниципализированную собственность, как виды государственной собственности. Помимо того, упомянутая точка зрения не находит своего обоснования в действующем законодательстве РСФСР. Не только ст. 52 Гр. Код., но также ст. 22 Гр. Код. РСФСР различают национализированные и муниципализированные строения, с одной стороны, и национализированные предприятия,— с другой стороны.

И, наконец, опубликованный 11/XII—25 г. декрет ВЦИК'а («Изв. ЦИК» № 283—25 г.), устанавливая признаки национализированных строений, подтверждает существующее различие между национализированными и муниципализированными строениями.

Вполне понятно, что при отсутствии различия указанных понятий не было бы никакой надобности в издании декрета о национализированных и муниципализированных строениях. Но вот самый декрет от 30/XI—25 г. вызывает много вопросов и различное толкование на местах и в центре. И эти вопросы имеют настолько важное практическое значение, что разрешение их является неотложной задачей. Настоящая статья имеет в виду поставить эти вопросы. Разрешение же их составляет компетенцию законодательных органов и Верховного Суда, которому предоставлено по закону право толковать законы. Постановка вопросов весьма своевременна, так как Президиум ЦИК СССР 15/I—26 г. предложил СНК Союза ССР разработать и внести на утверждение Президиума ЦИК Союза ССР законопроект о порядке пользования национализированными строениями и имуществами общесоюзными ведомствами и учреждениями, сохранив, очевидно, порядок распределения национализированных и муниципализированных строений, указанный в постановлении ВЦИК'а и СНК от 30/XI—1925 г. Одним из существенных вопросов является первоначальный вопрос о том, имеет ли в виду означенный декрет только строения или же он распространяется также на промышленные заведения. Этот вопрос возник вследствие запросов некоторых местных органов ВСНХ о том, продолжают ли оставаться в силу декрета ВЦИК'а и СНК от 30/XI—1925 г. промышленные заведения с различными строениями попрежнему в их ведении. По толкованию этими местными органами п. «в» ст. 1, строения, в которых помещаются промышленные заведения, не включенные в уставный капитал трестов, не могут считаться национализированными и должны быть на основании ст. 3 признаны муниципализированными.

А ведь масса промышленных заведений с различными строениями при них не включена в уставный капитал трестов и находится в непосредственном ведении местных органов ВСНХ (ГСНХ, ОМХ), составляя местное имущество Союза. Сюда относятся заведения, сданные местными органами в аренду, временно бездействующие, но намеченные к сдаче в аренду, консервированные фабрики (заводы) и т. п.

И все эти промышленные заведения при таком понимании изданного закона должны быть признаны муниципализированными и изъятными из непосредственного ведения местных органов ВСНХ. Такое понимание этого закона не только противоречит его смыслу, но и действующим законам о национализации промышленных предприятий, а также ст. 22 Гр. Код. В самом деле, постановление ВСНХ от 29/XI—20 г. о национализации предприятий объявило собственностью государства все имущество, дела и капиталы предприятий, подлежащих национализации, где бы это имущество ни находилось и в чем бы оно ни состояло.

И в последующих декретах о предприятиях, перешедших в собственность государства (декрет ВЦИК'а и СНК от 10/XII—1921 г.), о порядке установления прав на промышленные предприятия (декрет ВЦИК'а от 22/III—1923 г.) проходит то же начало, а именно, что при национализации в собственности государства поступает не только самое предприятие, но и среди прочего строения составляющие принадлежность предприятия. В своем разъяснении от 11/VI—1925 г. № 902 НКЮ говорит, что «судьба строений, являющихся необходимою принадлежностью национализированных промышленных предприятий, должна определяться декретами о национализации и денационализации этих предприятий, но никоим образом не декретами о муниципализации и демунципализации строений в городах». И потому строения, составляющие необходимую принадлежность промпредприятия, при восстановлении частных владельцев в их прежних правах на принадлежавшее им предприятие разделяют судьбу предприятия.

Верховный Суд в одном из своих определений (опр. ГКК Верх. Суда от 14/XII—1925 г.) также нашел, что «при денационализации предприятия бывший владелец получает от органов СНХ не только фабричное или заводское оборудование, но также и постройки, являющиеся необходимой принадлежностью предприятия и связанные с оборудованием предприятия общим хозяйственным назначением».

Такое толкование подтверждается самим законом, ст. 25 Гр. Код., согласно которой принадлежность, предназначенная служить главной вещи и связанная с ней общим хозяйственным назначением, разделяет судьбу главной вещи.

Более подробно на понятии «принадлежность» останавливается ВАК в решении от 4/XII—23 г. (по делу Саратовского ГСНХ с Саргубкоммунотделом), по смыслу которого помещения (строения), находящиеся на территории предприятия, могут быть использованы не только в интересах производства, но также и приспособлены под жилье с точки зрения экономической целесообразности, ибо предприятие нуждается как в домах, непосред-

ственно обслуживающих производство, так и в жилых домах для рабочих и служащих и т. п.

Таким образом, вполне выясняется, что акт национализации влечет за собой переход в собственность государства не только самого предприятия, но и строений, принадлежащих предприятию.

Но не находится ли вывод, к которому мы пришли, в противоречии с постановлением ВЦИК'а и СНК от 30/XI—25 г.

Ведь по смыслу п. «в» ст. 1 такие признаки, как 1) принадлежность и 2) производственная связь строений с предприятием, недостаточны для признания строений национализированными. Необходимо еще один признак, а именно, включение строений в уставный капитал предприятия.

Но в таком случае строения, составляющие принадлежность предприятия (главной вещи) и связанные с ним общим хозяйственным назначением, но не включенные в уставный капитал предприятия не разделят судьбы главной вещи (предприятия).

И тогда без труда может быть усмотрена несогласованность постановления ВЦИК'а и СНК от 30/XI—25 г. со ст. 25 ГК и предыдущими законами о национализации промышленных предприятий.

Следует ли, однако, отсюда, что и строения, в которых помещаются самые промышленные заведения (предприятия), должны быть объявлены муниципализированными.

Нет, не следует, ибо речь идет о строениях, существующих особняком (отделенных) от промышленных заведений (предприятий) (п. «в» ст. 1).

В противном случае придется признать, что упомянутый закон существенно изменяет самое понятие «национализированное предприятие», стирая различие между национализированными и муниципализированными предприятиями, установленное в ст. 22 Гр. Код.

Этот беглый анализ помогает уяснить характер пост. ВЦИК'а и СНК от 30/XI—1925 г., разрешая вопрос о том, относится ли декрет только к строениям или также к предприятиям (заведениям).

Становится совершенно очевидным, что упомянутый декрет имеет в виду только строения, но не промышленные заведения. Следовательно, этот декрет затрагивает жилищный вопрос, устанавливая порядок распределения национализированных и муниципализированных строений. Достаточно обратиться к ст. 5 сего декрета, обязывающей все народные комиссариаты и другие центральные ведомства в губерниях в месячный срок со дня издания настоящего декрета составить погубернские списки состоящих в их ведении строений, чтобы подтвердить значение декрета в жилищном законодательстве.

II.

Это стремление закона урегулировать распределение и пользование строениями (домовладениями) для жилищных нужд диктует и соответствующие выводы. Так спорный вопрос о том, распространяется ли настоящий декрет на строения, принадлежащие наркоматам Союза ССР и трестам

общесоюзного значения, разрешает утвердительно. Это подтверждается разъяснением НКЮ, который мотивирует свою точку зрения в этом смысле, между прочим, тем, что отдельные союзные республики вправе издавать жилищное законодательство, обязательное для центральных ведомств и трестов общесоюзного значения, находящегося на территории данной союзной республики, так как по смыслу ст. ст. 1 и 3 Конституции ЦИК СССР жилищное законодательство вполне относится к компетенции отдельных союзных республик.

Если можно все же оспаривать приведенную точку зрения, то нет спора относительно того, что настоящий декрет распространяется на строения наркоматов РСФСР и трестов республиканского значения. Ст. 4 не оставляет в этом отношении сомнения, так как национализированные строения находятся в ведении и распоряжении соответствующего народного комиссариата или другого центрального государственного учреждения.

Но вот сомнение существует относительно распространения сего декрета на строения, принадлежащие местным трестам. Это сомнение возникает вследствие противоречия между п. «в» ст. 1 и ст. 4 пост. ВЦИК'а и СНК от 30/XI—1925 г. и ст. 1 пол. об имуществах местных Советов от 12/XI—1923 г.

В самом деле, для признания строения национализированным согласно пост. ВЦИК'а и СНК от 30/XI—1925 г. необходимы 3 условия: 1) принадлежность строения фабрике (заводу), 2) неразрывная его связь с производством, 3) включение этого строения в уставный капитал (п. «в» ст. 1).

Между тем, ст. 1 пол. об имуществах советов гласит о том, что «местные имущества» составляют государственные имущества, в том числе предприятия, организованные на основе декрета от 17/VII—1923 г., находящиеся на территории местных советов, поскольку эти имущества не находятся в ведении центральных органов Союза ССР и союзных республик и не вошли в состав общесоюзного значения.

Отсюда и усматривается противоречие. Одно из двух: или эти строения включены в уставный капитал предприятия, тогда они признаются национализированными, т. е. имеющими общегосударственное значение, — это как-будто подтверждается ст. 4, устанавливающей, что национализированные строения находятся в ведении и распоряжении соответствующих народных комиссариатов. Но в таком случае это не местное имущество. Или же это имущество местное, тогда, значит, оно не имеет общегосударственного значения.

При этом логическом рассуждении упускается из виду смысл существующего законодательства и фактическое положение вещей, упускается из виду то, что национализированное имущество находится не только в ведении центральных органов и трестов общесоюзного и республиканского значения, что есть, как известно, также национализированное, а не муниципализированное имущество (тресты местного значения), которое находится в ведении местных советов.

И это совершенно понятно, если придерживаться утверждаемого в этой статье положения, что акты национализации обуславливают собой переход в

собственность государства промышленных предприятий со всем имуществом, им принадлежащим. Это тем более понятно, что местная промышленность имеет двойственную подведомственность, ибо она находится одновременно в ведении ВСНХ, с одной стороны, ГИК'ов, с другой, в соответствии с двойственной подчиненностью ГСНХ (ОМХ), которые являются одновременно органами ГИК'ов и органами ВСНХ.

Это двойственное подчинение доказывается также ст. 26 декрета от 17/VII—23 г., согласно которой обязанности ГСНХ (обл. СНХ), например, по приобретению и отдаче в аренду строений и др. частей основного капитала осуществляются с утверждения и по соглашению с Промбюро (ВСНХ) и губ. ЭКОСО (теперь ГИК'ом). Помимо того, декрет от 17/VII—1923 г. создавая специальный промфонд (ст. 19), выделяет бюджет промышленности из общего губернского бюджета. Значение такого выделения специального промфонда поясняет А. М. Гинзбург-Наумов *): «Основное значение этого нововведения, неизвестного декрету от 10/IV—23 г., заключается в том, что средства, поступающие в местный бюджет, бронируются для обеспечения нужд промышленности, а не распыляются для удовлетворения общих потребностей губернии».

Отсюда видно, что национализированное имущество в отличие от муниципализированного не находится в исключительном распоряжении местных советов, но что распределение его производится в соответствии с общими директивами соответствующих народных комиссариатов (ст. 3 пол. об имуществах местных советов от 12/XI—23 г.).

Такая точка зрения подтверждается ст. 6 положения об имуществах местных советов от 12/XI—1923 г., устанавливающей, что изъятие имущества из ведения местных советов происходит помимо их согласия. Здесь имеются в виду случаи, когда согласие местных советов на передачу их имущества отсутствует и когда передача признана необходимой высшими центральными органами.

Изложенные соображения заставляют признать, что п. «в» ст. 1 пост. ВЦИК'а и СНК от 30/XI—1925 г. распространяется не только на тресты общесоюзного и республиканского значения, но также и на тресты местного значения.

Этот вывод совсем не противоречит ст. 4. В самом деле, ст. 4 говорит только о тех строениях, которые не находятся в ведении и распоряжении госпредприятий. Вот такие национализированные строения (п. п. «а» и «б» ст. 1) находятся в ведении и распоряжении центральных ведомств или народных комиссариатов. Строения же, которые имеет в виду п. «в» ст. 1, будучи включенными в уставный капитал госпредприятий, имеют правовое оформление на основах декрета от 10/IV—23 г. и 17/VII—23 г. И это вполне соответствует делению на общесоюзные, республиканские и местные госпредприятия. А ведь не может быть сомнения в том, что всякие госпредприятия со всеми строениями, включенными в их уставные капиталы, признаются национализированными (п. «в» ст. 1).

* Гинзбург-Наумов. — «Законодательство о трестах, синдикатах и органах регулирования промышленности». — Прим. редактора к ст. 19, стр. 151.

И только неоформленные в надлежащем порядке объявляются муниципализированными. Поэтому в силе остаются все те соображения, которые были приведены при выяснении понятия «национализированное предприятие», включающего также и строения, как его принадлежность, в отличие от муниципализированного строения. И, действительно, ст. 7 в развитие ст. 4 устанавливает, что на все национализированные строения ведутся списки в отделах местного хозяйства в противоположность муниципализированным строениям, списки которых ведутся коммунальными.

Таково толкование декрета ВЦИК'а и СНК от 30/XI—1925 г. Соответствует ли оно фактическому положению вещей? На этот вопрос лучшим ответом является докладная записка Совета госпромышленности и торговли, которая сводится к следующему: «Пост. ВСНХ от 29/XI—1920 г. совпало как раз с моментом наихудшего положения в промышленности, когда большинство фабрик и заводов стояли, и все вспомогательные строения, как склады, конторы, отделения, здания для рабочих и т. п., не использовались в полной мере, почему и не были включаемы в акты о национализации». В этот период как-будто процесс национализации промышленных предприятий не совершался в соответствии с тенденцией законодательства. «В дальнейшем с переходом предприятий на коммерческий расчет продолжался отрыв ранее принадлежащих предприятиям и заведениям строений. В уставные капиталы включались лишь самые необходимые строения, чтобы избежать излишние расходы по поддержанию не особенно нужных в тот период строений».

Было бы, однако, ошибочно думать, что и при нормальной обстановке эти строения, перешедшие в распоряжение местных органов, не были бы нужны предприятиям. Настоятельная нужда предприятий в таких строениях стала уже проявляться с развитием производительных сил страны, с улучшением состояния промышленности. И, действительно, в этот период «предприятия вынуждены были снимать в аренду от комхозов свои же собственные здания, создавая весьма ненормальные арендные отношения между предприятиями и комхозами».

И вряд ли можно спорить против того, что в настоящее время такие накладные расходы ложатся тяжелым бременем на предприятия, удорожая производство.

Описанный здесь кратко процесс национализации промпредприятий указывает, насколько правильно была мысль законодателя, устанавливавшего при национализации переход в собственность государства не только самого предприятия, но также и строений, ранее принадлежавших предприятию. Нет надобности доказывать, что строения, перешедшие в распоряжение местных органов, принадлежали раньше не только предприятиям республиканского значения, но также и предприятиям местного значения. Было бы непонятно, если бы декрет оставил без внимания строения местных трестов. Когда возникает вопрос о госпромышленности по всему Союзу СССР, то принимается во внимание ведь не только положение трестов общесоюзного, республиканского, но также и трестов местного

значения. Только при такой постановке вопроса возможно ограждение интересов промышленности. Вот почему, исследуя судьбу строений, принадлежавших ранее трестам местного значения, нельзя допустить, что настоящий декрет не относится к строениям местных трестов.

III.

Изданный 30/XI—1925 г. закон считает уже фактическое использование центральными учреждениями и госпредприятиями строений недостаточным и требует оформления в виде закрепления строений путем специального постановления центральной власти или включения в установленном законом порядке в уставный капитал предприятия. И для выяснения значения для госпромышленности последствий, которые возникают вследствие отсутствия в целом ряде случаев надлежащего оформления, необходимо собрать воедино все признаки, установленные законом для признания строений национализированными.

Прежде, чем, однако, затронуть этот последний вопрос, необходимо упомянуть о «закрепленных» строениях, так как употребляемые различно в декрете от 30/XI—1925 г. и декрете о закрепленных домах от 4/V—1925 г. (С. У. 36—25) они порождают несогласованность.

Различные последствия, наступающие в зависимости от ссылки на тот или другой декрет, заставляют поставить вопрос об изменении соответствующего пункта в одном из указанных декретов.

Декрет от 30/XI—1925 г. признает строения национализированными, т. е. закрепленными за госпредприятием (при удовлетворении всех трех признаков), независимо от того, расположены ли эти строения на территории данного предприятия или вне его (п. «в» ст. 1).

Декрет же от 4/V—1925 г. о закрепленных домах, перечисляя категории строений, закрепленных за предприятиями и учреждениями, в п. «в» ст. 1 признает, между прочим, закрепленными за предприятием дома, находящиеся на территории функционирующих фабрик и заводов. В последнем декрете нахождение строений на территории фабрики или завода является как раз условием для признания данного строения закрепленным за предприятием.

Эта несогласованность в означенных декретах имеет практическое значение. Прибегнем для уяснения к примеру: на территории фабрики (завода) находится дом, не включенный в уставный капитал предприятия; по закону ВЦИК'а и СНК от 4/V—1925 г. такой дом (строение) должен считаться закрепленным за данным предприятием; по декрету же от 30/XI—1925 г. этот самый дом объявляется муниципализированным, т. е. закрепленным за местным советом, а не за предприятием.

Становится очевидным, что юридическая природа дома при сооставлении упомянутых двух декретов в приведенном примере различна.

Вот почему необходимо устранение указанного противоречия. Настоящая статья не исчерпывает, конечно, вопросов, затрагиваемых изданным 30/XI—1925 г. пост. ВЦИК'а и СНК.

Ограничиваясь пока поставленными вопросами, остается еще отметить те новые признаки национализированных строений, которые установлены названным декретом и предопределяют его значение для промышленности. Иданные ранее законы требовали для признания строений национализированными и закрепленными за предприятиями, чтобы: 1) строение находилось на территории предприятия, 2) составляло его принадлежность и 3) имело производственную связь с предприятием.

По последнему же постановлению от 30/XI—25 г. к этим условиям присоединилось еще условие—включение строения в уставный капитал предприятия. Раньше национализированными строениями, находившимися в распоряжении центральных учреждений, признавались те, которые имели специальное назначение и притом общегосударственного, а не местного характера. В настоящее же время для признания строений национализированными и находящимися в распоряжении центральных учреждений необходимы еще два условия: 1) закрепление строений специальными постановлениями центральной власти и 2) использование их полностью или большей частью.

Таким образом, отсюда видно, что новый закон, увеличив количество признаков, при наличии которых строение признается национализированным,

тем самым уменьшил категорию национализированных строений.

Между тем, зная, что в последние годы промышленность и торговля весьма развились по сравнению с предыдущими годами, что вследствие роста промышленности потребность госпредприятий в строениях (складах, конторах, жилищах для рабочих и служащих и пр.), также соответственно увеличилась, приходится признать задачу, поставленную перед промышленностью,—удешевление стоимости продукции—значительно затрудненной настоящим декретом.

Новые условия, при удовлетворении которых строения признаются национализированными, послужат основанием не столько для передачи строений наркомалам и госпредприятиям, сколько для изъятия у них строений вследствие отсутствия одного из признаков, требуемых законом.

Такое уменьшение категорий строений вызовет естественное стремление со стороны госпредприятий строить собственные здания или, по крайней мере, снимать в аренду строения, принадлежащие кохозам.

Это же, без сомнения, отразится на оборотных средствах госпредприятий и поведет к уменьшению капитала госпромышленности.

Я. Кабе.

Обзор советского законодательства за время с 12 по 19 февраля 1926 года.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Гражданское право.

1. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 29 января об отмене ограничения размера имущества, могущего переходить в порядке наследования и дарения («Изв. ЦИК СССР» от 12 февраля, № 35), предложено ЦИК'ам союзных республик провести соответствующее изменение в законодательствах союзных республик с 1-го марта 1926 года. Постановление это, принятое на основании литературы «П» ст. 1-й Конституции СССР, как основа гражданского права, знаменует отказ от одного из способов ограничения наследования в пользу государства. Цель, имевшаяся в виду ст.ст. 138 и 418 Гражд. Код. РСФСР (ограничение перехода имущества безвозмездными способами—дарением и наследованием—суммой не свыше 10.000 рублей), а именно, предупреждение скопления в одних руках значительных имуществ, достигается иным способом: введением налога на имущество, переходящее указанным порядком.

Финансы.

2. Утвержденное пост. ЦИК и СНК Союза ССР от 29 января положение о налоге с имущества, переходящих в порядке наследования и дарения («Изв. ЦИК СССР» от 12 февраля, № 35), издано взамен тех ограничений в сумме наследственного и дарственного имущества, которые подлежат отмене в силу одновременно изданного по этому предмету постановления ЦИК и СНК Союза ССР. Положение

вводится в действие с момента отмены этих ограничений, т.-е. с 1-го марта 1926 года.

Налог взимается со всего наследственного имущества, переходящего как по завещанию, так и по закону, независимо от числа наследников. Только наследства стоимостью ниже 1.000 рублей освобождаются от налога. Налог носит прогрессивный характер, т.-е. процентная его ставка увеличивается в соответствии с увеличением стоимости облагаемого имущества. Так при стоимости наследственной массы свыше 1.000 рублей и до 2.000 рублей взимается 1%, если же стоимость превышает 2.000 рублей, но составляет не более 6.000 рублей, то с первых 2.000 рублей взимается 20 рублей (т.-е. 1%), с остальной же суммы—5%. Постепенно повышалась ставка налога составляет при наследстве на сумму свыше 40.000 рублей—25%, а свыше 500.000 рублей—90%. Иными словами, с увеличением стоимости наследственной массы прогрессивно увеличивается и долевое участие государства в этом имуществе, так что при наследствах на суммы свыше 200.000 рублей государство становится участником на большую половину наследства. Только это право государства осуществляется в порядке не гражданского законодательства, а финансового; права наследников сохраняются, но они несут определенную налоговую обязанность. Разумеется, не все наличное имущество, переходящее по наследству, подлежит обложению; ряд лежащих на наследстве обязанностей подлежит вымету. Прежде всего исключается задолженность по заработной плате и социальному страхованию, как не вызывающая сомнений, затем следует задолженность по налогам и сборам вместе с накопившимися пенями и штрафами; не обла-

гаются и исключаются расходы, связанные с медицинской помощью и уходом за больным наследодателем, а также с его погребением. Что касается прочих долгов, то они могут быть либо подтверждены документально (векселями, торговыми книгами), либо установлены в судебном порядке. Однако, не исключаются из стоимости наследственного имущества долги наследодателя наследникам. Кроме того, ряд имущественных благ вообще не включается в стоимость наследственного имущества. Таковы предметы домашнего обихода (за исключением предметов роскоши), переходящие к лицам, совместно проживающим с наследодателями; страховые суммы, причитающиеся по договорам личного страхования; авторские права и патенты на изобретения, вклады в государственные сберегательные кассы. Эти исключения из общих правил обложения наследственного имущества вызваны соображениями о поощрении трудовых сбережений в различных формах, а также интересами развития творчества в разных отраслях научного, литературного, художественного и технического творчества. За основу исчисления налога принимаются действительная стоимость наследственного имущества в момент открытия наследства. Не позднее двух недель со дня принятия наследства должно быть подано заявление о составе и стоимости наследственного имущества в финотдел губернский или уездный (областной или окружной). В такой же срок подается заявление о всяком дополнительно поступившем имуществе, не имевшемся в виду при принятии наследства. Финорган исчисляет причитающуюся сумму налога; эта сумма подлежит в месячный со дня объявления расчета срок. Сумма налога уплачивается наследниками пропорционально полученным долям наследства. В течение двух недель по объявлению расчета могут быть поданы возражения против него; в случае признания этих возражений не подлежащими удовлетворению финотделы препровождают их на окончательное разрешение народного суда.

На тех же основаниях взимается и налог с имуществ, переходящих по актам дарения; лишь ставки налога исчисляются в половинном размере. Освобождены от налога имущества, переходящие по актам дарения на суммы не свыше 1.000 рублей, и пожертвования в пользу государства, благотворительных, лечебных, учебных и научных учреждений и организаций, а также общественных организаций по особому перечню. Лицо, принявшее дар, обязано в двухнедельный срок подать соответствующее заявление в финотдел. В тот же срок копия акта дарения сообщается нотариальной конторой, в которой акт совершен.

Предстоит издание перечней узаконений, утративших силу с введением в действие рассматриваемого положения.

3. Издание постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 12 февраля об изменении положения о взимании налогов («Изв. ЦИК СССР» от 14 февраля, № 37) имеет целью обеспечение своевременного поступления единого сельхозналога. В положение от 2 октября 1925 г. («Собр. Зак. СССР», № 70, ст. 518) внесены следующие изменения: размер пени за каждый день просрочки повышен для сельхозналога до одной пятой процента; продажа описанного за неуплату этого налога имущества производится по постановлениям районных и волостных исполкомов; лишь в отношении постановления волсполкомов требуется их сообщение в уполномоченном, при чем они приводятся в исполнение в случае непоступления возражений в десятидневный срок.

Торговля.

4. Постановлением СТО от 25 января о дополнении перечня путей, открытых для транзита товаров из стран, имеющих с Союзом ССР договорные отношения («Изв. ЦИК СССР» от 14 февраля, № 37), отменено постановление СТО

от 26-го ноября 1925 г. по тому же предмету («С. З. СССР» 1925 г. № 84, ст. 639) и дана новая редакция дополнения к перечню от 15 апреля 1925 г. («С. З.» № 36, ст. 272), иным образом определяющая транзитный путь по восточному участку границы с Китаем.

5. Постановлением СТО от 27 января об отмене постановления СТО о передаче мясохладобойни Наркомпрода СССР в ведение Наркомвнуторга СССР («Изв. ЦИК СССР» от 16 февраля, № 38) издано в виду объединения Наркоматов Внутренней и Внешней Торговли и оставления за объединенным Наркоматом функций по регулированию внутренней торговли, а не по осуществлению непосредственной торговли на внутреннем рынке, что вытекало из постановления от 17 мая 1924 года («С. У. РСФСР» 1924 г. № 63, ст. 621).

6. В интересах хлебной торговли на внутреннем и, в особенности, на внешнем рынках, требующем высококачественного зерна, издано постановление СТО от 2 февраля о борьбе с вредителями зерна и продуктов его переработки и с зараженностью этими вредителями складочных помещений («Изв. ЦИК СССР» от 16 февраля № 38).

Промышленность.

7. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 февраля («Изв. ЦИК СССР» от 12 февраля, № 35) продлено на 1925—26 бюджетный год действие постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 27 марта 1925 г. о размере отчислений из фондов улучшения быта рабочих государственных промышленных предприятий общесоюзного значения на нужды строительства рабочих жилищ в 1924—25 бюджетном году («Изв. ЦИК СССР» от 12 февраля, № 35). Размер этот—75% отчисления—дает возможность значительно увеличить строительство рабочих жилищ в текущем году.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Труд.

1. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 февраля об условиях труда работников по найму, выполняющих на дому у нанимателя (домашние работники) работы по личному обслуживанию нанимателя и его семьи («Изв. ЦИК СССР» от 14 февраля, № 37) вызвано особенностями условий этого труда и необходимостью специального их урегулирования. В отношении этого вида трудового найма ряд положений Кодекса законов о труде и других узаконений отменен, изменен и дополнен. Прием на работу производится как через биржу труда, так и непосредственно. Допускается двухнедельный испытательный срок и требование предварительного освидетельствования нанимающегося в отношении его здоровья. Выдача расчетной книжки (в 2 экземплярах) обязательна в семидневный срок; по соглашению сторон заключается дополнительный письменный трудовой договор; последний, по поручению работника, может быть заключен и подписан профсоюзом. Регистрация расчетных книжек и трудовых договоров не требуется. Минимальный возраст для найма на домашнюю работу установлен в 16 лет. Только в исключительных случаях, с согласия родителей или опекуна, допускается прием малолетних, не моложе 14 лет. Содержание расчетной книжки обычное; в ней также указывается оценка натурального довольствия. Рабочий день может быть распределен на несколько частей, с тем, что свободное от работы время используется работником по своему усмотрению. Для ухода за детьми может быть обусловлена и работа в ночное время, но к этой работе не допускаются работницы моложе 16 лет, а также беременные, начиная с 7 месяцев беременности. Формы, размер и сроки

выплаты заработной платы устанавливаются по соглашению и заносятся в расчетную книжку. Если работа требует большей затраты времени, чем 192 часа в месяц, то плата за лишнюю работу включается в общую сумму заработной платы. Исключительно натуральная форма заработной платы не допускается. Обязателен один выходной день в неделю, а также не менее одного вечера в неделю для общественной работы и учебных занятий; кроме того, домработники освобождаются в особые дни отдыха в дни 1 и 22 января, 12 и 18 марта, 1 мая и 7 ноября. Возможна замена какого-либо из этих дней другим днем или же выплата денежной компенсации.

Расторжение договора допускается в любое время по желанию одной из сторон, но наниматель обязан либо предупредить за две недели о предстоящем увольнении, либо выплатить выходное пособие в размере двухнедельного заработка. От этой обязанности наниматель освобождается в некоторых случаях. Увольнение в случае временной утраты трудоспособности, продолжавшейся не более двух недель, воспрещается. В течение двух недель за уволенным сохраняется право на занимаемую им жилую площадь. Спецдежда выдается по соглашению, но не ниже норм Наркомтруда. Социальное страхование домашних работников производится в особом порядке на основании специального узаконения («Собр. Зак. СССР» 1925 г. № 66, ст. 491). Конфликты разрешаются в порядке примирительно-третейском, либо судебном.

Труд домашних работников в крестьянском хозяйстве регулируется на основании временных правил об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянском хозяйстве («С. З. СССР» № 26, ст. 183).

Страхование.

2. Постановлением ЭКОСО РСФСР от 4 февраля утверждена инструкция о порядке предоставления льгот по обязательному складному страхованию в городах на 1925—26 операционный год («Изв. ЦИК СССР» от 13 февр., № 37), изданная на основании ст. 10 и в развитие ст. 8 постановления СТО от 2 сентября 1925 года («С. З. СССР» 1925 г., № 63, ст. 465).

Просвещение.

3. Постановлением СНК РСФСР от 4 февраля об изменении ст. 5 постановления СНК РСФСР от 15 декабря 1925 года о проведении практики студентов высших учебных заведений и учащихся последних курсов техникумов («Изв. ЦИК СССР» от 17 февраля, № 39) установлена новая редакция ст. 5 постановления от 28 сентября 1925 г. («С. У.» 1925 г. № 67, ст. 536). Согласно этой редакции предприятия и учреждения государственные, кооперативные, советские и частные представляют в НКТ сведения о местах практики не позднее 10 января 1926 г.

Курортное дело.

4. Постановлением СНК РСФСР от 27 января об изменении списка курортов общегосударственного значения («Изв. ЦИК СССР» от 17 февраля, № 39) утвержден новый, значительно сокращенный список. Остальные курорты переданы местам с правом закрыть на текущий сезон те из курортов, содержание которых окажется невозможным из-за отсутствия средств.

Недра.

5. Постановлением ЭКОСО РСФСР от 4 февраля («Изв. ЦИК СССР» от 17 февраля, № 39) утверждена инструкция по применению декрета СНК РСФСР от 22 мая 1925 г. о разделении торфяных болот на имеющие общегосударственное и местное значение («С. У.» 1925 г. № 53, ст. 398).

Финансы.

6. Постановление ЭКОСО РСФСР от 4 февраля об исключении из таблицы ставок основной ренты некоторых городских поселений Гомельской губернии и о снижении ставок основной ренты для городов Семипалатинской губернии Казреспублики («Изв. ЦИК СССР» от 17 февраля, № 39).

М. Брагинский.

Повестка VI с'езда деятелей юстиции РСФСР, созываемого 12 апреля 1926 года.

I. Доклады НКЮ.

а) Доклад об основных моментах работы НКЮ и ближайших задачах по укреплению начал революционной законности.

б) Доклад об организации и работе прокуратуры в связи с укреплением начал революционной законности.

в) Доклад об организации и работе судебного аппарата в связи с укреплением начал революционной законности.

II. Проект комиссии ЦИК Союза ССР об организации Прокуратуры Союза ССР.

III. Доклад о краевых судебных органах и органах прокуратуры в связи с районированием РСФСР.

IV. Доклад Верховсуда РСФСР об основных принципах уголовной и гражданской судебной практики.

V. Доклад о практике применения Угол. Проз. Кодекса в связи с предложением о его упрощении.

VI. Доклад о новой редакции Угол. Кодекса.

VII. Доклад о Кодексе законов о браке, семье и опеке.

VIII. Доклад о применении НОТ в органах юстиции.

IX. Доклад об учете опыта издания «Ежен. Сов. Юст.» и других изданий НКЮ и мерах улучшения изданий по советскому праву.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО НА С'ЕЗДЕ ОТ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ Р.С.Ф.С.Р.

а) Весь состав Верховного Суда РСФСР.

б) Наркомюсты автономных ССР и председатели главсудов.

в) Из губерний и автономных областей: председатель губсуда (облсуда), губернский (областной) прокурор и три местных работника: народный судья, помпрокурора и нарследователь.

г) Из краев (Урал, Сибирь, Сев. Кавказ): председатель краевого суда, прокурор края, председатели постоянных сессий, старшие помощники прокурора округов этих сессии и 9 местных работников: 3 нарсудей, 3 помпрокурора и 3 нарследователя.

д) До 10 заместителей председателя губсуда (облсуда) по гражданскому отделу по персональному вызову Наркомюста.

Отклики с мест.

(Из статей, поступивших в Редакцию).

О разгрузке нарсудов.

Вопрос о разгрузке народных судов продолжает привлекать внимание работников юстиции. Ряд статей и заметок, поступивших в «Ежен. Сов. Юст.», с разных сторон подходят к разрешению этого вопроса.

Многое в этих материалах является повторением и развитием мыслей, уже высказанных на страницах нашей юридической печати, в частности в «Е. С. Ю.» (см., напр., ст. тов. Трунева в № 48—49 за 1925 г.), но есть и предложения, содержащие нечто новое.

Народный судья Красно-Пресненского района г. Москвы тов. Хлебников отмечает, что все меры к быстрому разрешению дел в нарсудах будут бессильны, пока не будет надлежащим образом ликвидирована загруженность нарсуда. По его мнению, тут нужны не только усилия мест, но и мероприятия законодателя. «Законодательные органы должны помочь нарсуду очиститься от несудебных дел». Какие же это дела?

Тов. Хлебников вновь повторяет предложение об освобождении суда от выдачи судприказов по протестованным векселям и о передаче этих функций нотариату. «Это,—пишет тов. Хлебников,—избавит суд от излишней работы» и приводит ссылку на ст. 11 декрета о суде № 2 («С. У.» 1918 г. № 26), которая как раз устанавливала указанный порядок, чем подчеркивает, что он уже был известен советскому законодательству.

«... Статистика одного из крупных судов—Московского—показывает, что число оспариваемых векселей, в исковом порядке попадающих в суд, ничтожно, и большой беды не будет, если по 10, примерно, векселей из 1000 в суд попадут жалобы на действия судисполнителя. Это будет огромным облегчением для суда, избавление от скучной, не дающей ничего ни уму, ни сердцу, работы, вместе с тем доставит много удобств населению, которое не будет связано сроком, как сейчас, когда протестованный вексель, два месяца пролежавший в кармане, принимается к выдаче приказа, а если чуть больше—позволяет подать в общественном порядке, как-будто отношения сторон изменились».

Об изъятии из ведения нарсуда дел о расторжении брака, о депозитах и переходе наследственных прав, поддерживаемом тов. Хлебниковым, писалось уже раньше (указ. статья тов. Трунева), здесь можно лишь ограничиться тем, что подчеркнуть это настойчивое требование местных работников.

Но тов. Хлебников выдвигает и новые предложения:

«... К компетенции ЗАГС'а, по нашему мнению, следует отнести случаи бесспорного установления факта отцовства, чтобы новорожденному ребенку присвоили известное происхождение. Для чего в случае желания отца установить происхождение уже взрослого ребенка, но рожденного и зарегистрированного только по матери, заставлять обращаться в суд. ЗАГС с таким же успехом выполнит пужные действия и тут же выдаст удостоверение. Иное дело при спорности происхождения, когда нужен вызов свидетелей, собиране доказательств, и т. д. Это—непосредственная обязанность народного суда, тогда как в первом случае суду дело принимать к производству излишне».

Мысль эта вряд ли приемлема. Вопрос о признании отцовства может затрагивать интересы третьих лиц и, в частности, государства. Если допустить, что любое лицо может признать своим сыном или дочерью другое лицо, даже имеющее несколько десятков лет от роду, без про-

верки суда, то это, несомненно, откроет возможность к обходу законов о наследовании и проч.

Далее тов. Хлебников пишет:

«... Точно также ни к чему выдача приказов по расчетам соцстраха. Платежи по социальному страхованию служащих и рабочих бесспорны, подобно подоходному налогу, но по одному почему-то обходятся без суда, соцстрах же вынужден идти в суд, хотя сам с успехом выполнил бы взыскание, подобно финоргану через своих агентов. Думается, что такие полномочия соцстраху не мешало бы предоставить».

Здесь какое-то недоразумение. По действующему законодательству взыскание платежей по социальному страхованию производится в бесспорном порядке без обращения к суду (инстр. НКТ, НКЮ, НКВД — «Собр. Узак.» 1923 г. № 77, ст. 747). И только исключительно в тех случаях, когда это взыскание обращается на суммы, причитающиеся недоимщику к получению от третьих лиц и учреждений, в частности на суммы, находящиеся на текущих счетах в кредитных учреждениях, требуется обращение в суд за получением судебного приказа (см. специальное разъяснение НКЮ и НКТ № 13 от 8 янв. 1925 г. — «Е. С. Ю.» № 2 — 1925 г.). Освободить суд от выдачи судприказов в этих случаях, конечно, невозможно.

Помимо этого тов. Хлебников ставит вопрос о дополнении ГПК статей, которая предоставляла бы суду право прекратить гражданское дело, не решая его по существу.

«... В практике наблюдается, когда дело принимает такой оборот, что разобрав его не представляется в данном положении возможным, вместе с тем и откладывать как-будто нет причин, и получается особая категория дел «снятых с очереди». Их по Красно-Пресненскому, например, нарсуду за 24, 25 и отчасти 23 годы насчитывается около 3.000. Дела сняты с очереди за неявкой сторон, истца, по просьбе сторон в виду начавшихся мировых переговоров, за ненахождением ответчика и другим причинам. Лежат такие дела годами и никто ими не интересуется: очевидно, стороны давно помирились, возможно истец отчаялся найти ответчика, а дело является балластом и нет никаких оснований прекратить его. ГПК должен предусмотреть такое явление, оно выдвигается самой жизнью. Надо дать суду право в известных случаях прекращать гражданские дела».

Думается, что эти соображения тов. Хлебникова заслуживают серьезного внимания.

Народный судья 6 уч. Жиздринского уезда т. Шувалов останавливается на уголовных делах, подсудных нарсуду.

Исходя из того, что нарсуды справились с новой подсудностью, он полагает, что им могут быть переданы дела по ст. ст. 142, 149, 166 и 171 У. К., но в связи с этим надо освободить нарсуды от целого ряда мелких дел. Он предлагает:

«... разгрузить нарсуды от дел по мелким преступлениям, по статьям 81, 81а, 100, 100а, 104, 104а, 215, 218, 220, 224, 226, 226а, 227 УК, передав означенные дела в административные отделы».

Предложение тов. Шувалова до известной степени правильно. Дела по нарушениям правил, касающихся охраны порядка и безопасности движения на путях сообщения (ст. 218), хотя и передаются в суд лишь в случаях отказа от уплаты наложенного в административном порядке штрафа (см. декр. ВЦИК и СНК от 8 февр. 1923 г. — «С. У.» 1923 г. № 12, ст. 148), тем не менее все же сильно за-

грузают нарсуды. Проступки, предусмотренные ст. 226, 227 У. К., несомненно, могут преследоваться в административном порядке. Но безусловно нельзя передать на разрешение административных органов дела об уклонении нарзаседателей от исполнения своих обязанностей (ст. 104а) или, напр., о таких серьезных правонарушениях, как приготовление, хранение и сбыт ядовитых веществ и др.

Надо отметить, что проектом Уголовного Кодекса, утвержденным сессией ВЦИК, из УК исключены ст. ст. 100а, 218, 226, 227.

Народный судья 2 уч. Кирилловского уезда, Череповецкой губ., тов. **Коротков** отмечает, что для улучшения работы нарсуда нужно поднять зарплату работников нарсуда, а также упразднить канцелярщину путем «реорганизации делопроизводства, используя все возможности к его сокращению и упрощению». Вместе с тем, он останавливается еще на одной категории дел, от которых должен быть освобожден нарсуд.

«... Народные суды,—пишет он,—по крайней мере в нашем уезде, завалены делами по установлению факта безвестного отсутствия и смерти».

Он указывает, что никаких сколько-нибудь серьезных доказательств безвестного отсутствия или смерти в этих делах не бывает. Суд решает дело:

«... ограничившись объяснениями просителя, и объявлением о розыске, по которому никогда не поступает никаких

сведений. Решение этих дел судами—соблюдение ненужной бумажной формальности. Мое мнение, эти дела возможно изъять из ведения нарсудов, как изъяти дела об установлении трудового стажа (цирк. НКЮ № 228—«Е. С. Ю.» № 51 1924 г.). Дела такого рода могут с успехом разрешаться органами ЗАГС или же СОВЕС'а».

На этом же вопросе уже вскользь останавливался тов. Трунев (см. вышеуказанную статью) и решал его в отрицательном смысле.

Действительно, поскольку сам тов. Коротков признает, что по указанным делам доказательства всегда весьма спорны, последние требуют критической проверки. Только вся совокупность данных по делу может дать суду возможность вынести определение о признании того или иного лица безвестно-отсутствующим или умершим. Именно в виду спорности доказательств по этим делам, разрешение последних и нельзя передать административным органам. При этом надо еще иметь в виду то, что признание лица безвестно-отсутствующим и умершим влечет весьма важные последствия, в частности в отношении имущества этого лица, наследования, получения обеспечения в порядке социального страхования и т. д. Все это приводит к невозможности принять предложение тов. Короткова и тем более, что число дел по безвестному отсутствию в нарсудах РСФСР, надо полагать, совсем не так велика, как это представляется тов. Короткову.

С. А.

Страница практика.

Борьба с хулиганством в деревне.

Наш уголовный закон, упоминая в соответствующих ст.ст. Кодекса о вооруженном восстании, закупке оружия, вооруженном сопротивлении, вооруженном нападении, нигде не вводит условного признака подразделения оружия на огнестрельное и холодное. Тем более нельзя включать этот признак в ст.ст. о преступлениях против жизни и здоровья.

Подтверждение высказанному выше взгляду на отсутствие коренного различия между огнестрельным и холодным оружием можно найти и в правилах об охоте от 1 марта 1923 года. («С. У.» № 17 1923 г.). Здесь упоминается вообще охотничье оружие и отдельно поставлены лишь огнестрельные припасы, а не огнестрельное оружие.

Между тем, холодное оружие нередко становится средством преступления и в большинстве случаев на хулиганской почве.

Чаше всего такие преступления совершаются в деревенской обстановке. По Костромскому уезду только одним судебным врачом-экспертом, по сведениям Костромского губздрави, зарегистрировано за 1925 год из 19 убийств 11 случаев, когда пускалось в ход холодное оружие, и 8—огнестрельное; различные без смертельного исхода виды телесных повреждений дают еще более яркие цифры—холодное оружие употреблено было 20 раз, а огнестрельное только 7 раз.

В недавнем прошлом проводилась кампания против самогонки, еще не окончена борьба с массовыми растратами. В том и другом случае, помимо общекультурных мероприятий, выдвигался вопрос и об ответственности в судебном и административном порядках. Однако, возможно ли при существующей редакции ст. 220 УК поставить

предел описанному виду хулиганства. Указанная ст. говорит только об огнестрельном оружии, распространительному толкованию она не подлежит даже при помощи 10 ст. УК.

Что даст в этом отношении ст. 199 проекта УК? Здесь упоминается «огнестрельное (не охотничье) оружие». По затронутому вопросу, кроме разъяснения «не охотничье», изменения не произошло.

Опыт работы в деревне диктует настоятельную необходимость исключения из ст. 199 проекта УК слово «огнестрельное». Направляющееся само по себе возражение о том, что предлагаемая редакция позволит счесть всякий нож за оружие, должно отпасть, если вспомнить, что в ст. ст. 58, 59, 75, ч. ч. 1 и 2, и ст. 76 УК законодатель, употребляя термин «вооружение», не нашел нужным вооружение это подразделять на огнестрельное и холодное, предоставляя самому суду в каждом отдельном случае определить значение слова оружие.

Поскольку в ст.ст. Угол. Код., трактующих о тяжких преступлениях, когда, очевидно, центр внимания должен переноситься именно на огнестрельное оружие, не исключено все же и холодное оружие, постольку в главе Кодекса, предусматривающей охрану народного здоровья, общественного порядка и безопасности, нельзя пройти мимо угрозы пожарной расправы.

Объяснительная записка к проекту УК указывает на безнадежность попытки предусмотреть законом все случаи возможных нарушений, на непроизводительность и трудность преследования этих преступлений в судебном порядке, но заключительные слова той же записки все же в интересах нашей деревни дают право обратить внимание на затронутый в настоящей статье вопрос.

г. Кострома.

А. Лаговский.

Из деятельности Наркомюста. В оргбюро НКЮ.

Информационный бюллетень № 3.

Алфавит.

1. Нужно ли на жалобы и заявления, зарегистрированные на карточках по ф. № 11, заводить алфавитные карточки, на которых записывать: наименование учреждения, дату и номер препроводительной бумаги?

Препроводительные отношения к жалобам и заявлениям, поступающим не непосредственно от жалобщиков и заявителей, а через различные учреждения, регистрируются на соответствующих корреспондентских карточках по ф. № 2, хранящихся в алфавитном порядке, поэтому заведение дополнительных алфавитных карточек является излишним; на алфавитных карточках пишется только фамилия, имя, отчество жалобщика или заявителя, год и № дела или наблюдательного производства.

Ведение книг.

2. Сохраняется ли при введении карточной системы делопроизводства часть регистрационных книг, как-то: книга скрывающихся и разыскиваемых, для записи исполнительных листов и вещественных доказательств, и если они упраздняются, то тогда возникает вопрос: каким путем организовать запись и учет вышеприведенных сведений, которые до сего времени подвергались специальному учету через указанные книги?

По указанию § 1 «Руководств» ведение всех регистрационных книг, кроме бухгалтерских, упраздняется. Книга для записи исполнительных листов является совершенно излишней, так как расписка в получении исполнительного листа оставляется в самом деле; учет вещественных доказательств ведется по соответствующей графе карточек; учет скрывающихся и разыскиваемых обвиняемых ведется при помощи алфавитной карточки по ф. № 3, при чем для механизации этого учета предусмотрено в ближайшее время выслать местным органам необходимое количество «наездников» (индикаторов).

Наблюдательное производство.

3. Необходимо ли заведение наблюдательных производств, предусмотренных § 25 п. «а» Краткого руководства по губпрокуратуре?

Впредь до разрешения вопроса о наблюдательных производствах в общем порядке, последние в тех местных органах НКЮ, в которых они до сих пор фактически ведутся, сохраняются.

Номенклатура нарядов.

4. Обязательно ли заведение по корреспондентскому признаку отдельного наряда для каждого корреспондента или возможно переписку однородных корреспондентов объединить в одном наряде; например «Милиция», «Окружные исполкомы» и т. д.?

При условии незначительного поступления переписки (не свыше 50 бумаг) однородных корреспондентов заведение нарядов на каждого корреспондента необязательно.

5. Сохраняются ли при введении карточной системы делопроизводства наряды, которые велись раньше в бухгалтерии прокуратуры?

Наряды всех частей прокуратуры, в том числе и бухгалтерии, заводятся по предложенному в «Руководстве» номенклатурному списку их; в тех случаях, когда является необходимость в заведении наряду, не указанного в номенклатурном списке, он заводится порядком, указанным в § 52 «Руководства по губпрокуратуре».

Протокольное делопроизводство.

6. Предполагается ли рационализация протокольного делопроизводства и можно ли рационализировать последнее силами губсуда?

Оргбюро включило в план своих ближайших работ установление единообразного и рационального порядка ведения протокольного делопроизводства в органах НКЮ.

Независимо от окончания этой работы местные органы НКЮ могут сами приступить к разработке вопроса о протокольном делопроизводстве, с тем, однако, чтобы составленные проекты рационализации его были присланы в Оргбюро для согласования.

Из деятельности Верх. Суда РСФСР. Определения гражд. касс. коллегии.

По кассжалобе 2-го Российского т-ва ответств. труда на решение Моск. губсуда по иску Егорьевско-Раменского хлопчатобумажного треста к кассатору о взыскании убытков в сумме 1.318 руб.

По договору от 6 декабря 1923 года Казанская артель ответственного труда обязалась обслуживать торгово-промышленный аппарат Егорьевско-Раменского государственного хлопчатобумажного треста членами артели, приняв на себя ответственность за все убытки, которые будут причинены тресту по вине последних. Актами от 24 февраля и 15 июля 1924 года в магазинах треста № 1 и 3, обслужи-

ваемых членами артели, обнаружена недостача товаров на сумму 1.318 рублей. Правление треста своевременно заявило об этом Казанской артели, которая, однако, недостачи не покрывала. Ликвидационная комиссия, учрежденная по делам артели в сентябре 1924 года, отказалась от уплаты долга, указав на отсутствие средств у артели и предложив правлению треста обратиться с требованием об уплате к 2-му Российскому т-ву ответственного труда в Ленинграде, каковое является ничем иным как Ленинградским отделением Казанской артели, самовольно отколовшимся от артели в мае 1924 года со всем принадлежащим Ленинградскому отделению имуществом.

В виду сего правление Егорьевско-Раменского треста предъявило к ликвидному Казанской артели и 2-му Российскому товариществу ответственного труда 24 октября 1924 года в Московском губсуде иск о взыскании с ответчиков за солидарной друг за друга ответственностью 1.318 р. с %% и судебными и за ведение дела издержками.

2-ое Российское товарищество ответственного труда иска не признало, заявив, что оно не является правопреемником Казанской артели и не несет ответственности по долгам последней и представило устав товарищества, зарегистрированный НКЮ 6 июня 1924 года.

Рассмотрев настоящее дело 15 мая 1924 года, Московский губсуд нашел, что иск доказан по основанию и размеру представленными истцом документами, что образование 2-го Российского товарищества не может быть признано законным, так как члены Ленинградского отделения, отделяясь от артели, имели в виду воспользоваться имуществом Казанской артели и уклониться от платежа ее долгов, сумма коих в мае 1924 года превышала 60.000 руб., и в нарушение устава Казанской артели вошли в состав нового товарищества, не выйдя из состава артели, каковые обстоятельства НКЮ при утверждении устава 2-го Российского товарищества известны не были, что договор от 28 июня 1924 года, заключенный 2-м Российским товариществом с Казанской артелью, коим товарищество приняло на себя ответственность за долги артели, возникшие до 15 мая 1924 года, необязателен для третьих лиц в части срока. По изложенным соображениям суд признал 2-ое Российское товарищество ответственного труда ответственным за долги артели и взыскал с ликвидкома Казанской артели и 2-го Российского т-ва ответственного труда солидарно 1.318 руб. с %% и судебными и за ведение дела издержками.

В кассационной жалобе, поданной на это решение 2-м Российским т-вом ответственного труда, кассатор указывает на то, что 2-ое Российское т-во — совершенно самостоятельная организация, действующая на основании особого устава, зарегистрированного в установленном порядке, ни в какой преемственной связи с Казанской артелью не состоит, в виду чего суд не имел никаких оснований для признания его, кассатора, ответственным за долги последней.

Верховный Суд по ГКК вынес по этому делу следующее определение:

Именем РСФСР 1925 г., сентября 19 дня, Верховный Суд по ГКК в составе: председателя С. М. Прупицкого, членов: Ф. Н. Прокофьева и Н. М. Иванова, — в открытом судебном заседании слушал дело по иску Егорьевско-Раменского гос. хлоп.-бум. треста к ликвидационной комиссии Казанской артели ответственного труда и правлению 2-го Российск. т-ва отв. труда о взыскании убытков в сумме 1.318 рублей, по кассационной жалобе 2-го Российского т-ва ответственного труда на решение Московского губернского суда от 20/II—1925 года, коим определено:

«Взыскать с ликвидационной комиссии Казанской артели ответственного труда и 2-го Российского т-ва отв. труда солидарно в пользу Егорьевско-Раменского гос.

хлопчато-бумажного треста 1.318 руб., с начислением шести процентов в год со дня предъявления иска с 24 октября 1924 года по день фактического платежа; возложить на ответчиков уплату судебных и за ведение дела издержек сто тридцать рублей».

Рассмотрев кассжалобу, ГКК находит, что вывод суда о том, что 2-ое Российское товарищество ответственного труда и после отделения своего от Казанской артели не освободилось от ответственности за все долги Казартели, являясь его правопреемником, в решении не обоснован и противоречит самим же судом установленным данным дела. В мотивах суда указано на то, что откол Ленинградского отделения Казартели произошел с целью избежания платежа долгов, накопившихся на Казартели и выявленных уже в сумме 62 тысяч рублей; указано также и на то, что члены 2-го т-ва, являясь членами Казартели, не выйдя из нее, не могли быть членами 2-го т-ва, образование которого является, таким образом, незаконным, поскольку эти члены Казартели были учредителями 2-го т-ва; что Наркомост, утверждая устав 2-го т-ва, не знал всех этих обстоятельств. Все эти положения давали суду основание признать самое образование 2-го т-ва, как направленное к достижению цели, противной закону, недействительным, суд же, наоборот, приводит их в обоснование положения о юридической ответственности 2-го т-ва за все долги Казартели. Неправильно и другое утверждение суда, которым он обосновывает эту ответственность, утверждая, что договор от 28 июня 1924 года о взятии на себя 2-ым т-вом ответственности за долги Казартели, образовавшиеся до 15/V—24 года, в части срока необязателен для третьих лиц и не лишает их права требовать удовлетворения и с имущества 2-го т-ва. Это положение суда было бы справедливо лишь в том случае, если бы Казартель не распалась, а лишь распределила бы между своими отделениями ответственность за долги; тогда это соглашение не лишило бы права третьих лиц требовать возмещения своих убытков, образовавшихся и после 15/V—24 года. Соглашение от 23 июня 1924 года при признании самостоятельности 2-го т-ва никаких прав третьим лицам не дает. Вывод суда об ответственности 2-го товарищества перед Раменским трестом можно объяснить только тем, что суд считал фикцией самое образование 2-го т-ва, как имеющее целью уклониться от платежа долгов Казартели и в то же время воспользоваться аппаратом Казартели, ее имуществом и клиентурой. Но в таком случае у суда был один выход: признать весь процесс отделения от Казартели ее Ленинградского отдела незаконным и при наличии факта несостоятельности Казартели повернуть все имущество 2-го товарищества в ликвидационную массу. Не сделав этого вывода, суд и не мог при установленных им данных дела правильно обосновать свое решение.

На основании изложенного, в виду необоснованности решения и внутренних в нем противоречий, ГКК Верховного суда определяет:

Решение Московского губсуда от 20/II—25 года отменить и дело для нового рассмотрения передать в тот же суд в ином составе.

(Определение по делу № 31500—25 г.).

В научных институтах.

В Институте Советского Права.

6 февраля в Хозяйственно-Трудовой Секции Института Советского Права состоялся доклад т. С. М. Прушицкого на тему: «Вексель в практике Верховного Суда».

— Рост вексельных споров в судах—говорит докладчик—является не только последствием общего подъема народного хозяйства и развития оборота, но результатом неумелого и недостаточно осторожного обращения с векселем. Поэтому в интересах создания устойчивого вексельного оборота практика Верховного Суда (как гражд. касс. коллегии, так и пленума) неуклонно проводит начала формализма и абстрактности вексельного обязательства. Требуя строгого соблюдения ст.ст. 1 и 2 положения о векселях, практика Верховсуда в отношении проведения основных начал вексельного права следует по линии германской школы.

На конкретных примерах из практики суда докладчик доказывает эту строгую линию судебной политики Верховсуда.

Если же вексель недействителен, то возникает вопрос, какова его природа, каковы последствия опороченного векселя?

Гражд. касс. коллегия отвергла точку зрения дореволюционного вексельного устава о том, что вексель, потерявший вексельную силу, не перестает быть долговой распиской. Гражд. касс. коллегия стала на точку зрения, что недействительность векселя возвращает стороны к сделке, послужившей к выдаче векселя, и тогда, конечно, спор между сторонами разрешается по правилам Г. К., установленным для соответствующей категории сделок.

Так как вексель ликвидирует первоначальную сделку, а сам он оторван от своего основания, абстрактен, то как общее правило, возражать против векселя, оспаривать его можно самим векселем. Но, как исключение, допускаются в узких рамках и вневексельные возражения, как, например, расписка о частичной уплате по векселю.

Если выдача векселя была соединена с действием социально-опасным, а также вексель, подписанный по доверенности, оказался выданным без доверенности, допускаются возражения против всякого векселедержателя.

Судебная защита векселя приводит к усилению действия судебного приказа.

Ригоризм, проводимый практикой Верховсуда, имеет целью не допускать колебания силы векселя, упрочить его положение в нашем товарообороте.

Но если учесть то обстоятельство, что в вексельные операции втянуты представители нового класса, до революцией занятые лишь в производстве, которым формализм и абстрактность вообще чужды, возникает сомнение в соответствии этих начал условиям советской экономики и общим началам советского права.

По докладу состоялись прения.

И. С. Перетерский указывает, что вексель в наших условиях выполняет не ту роль, какую он имеет в западных государствах. У нас вексель скорее является орудием кредита, чем средством платежа. Поэтому строгое проведение Верховсудом начал формализма германской школы, к которой примыкает и наше вексельное законодательство, может оказать отрицательное влияние на развитие вексельного оборота.

М. М. Агарков находит, что неправильно мнение, которое считает, будто наши банки заинтересованы в абстрактности векселя. Банки заинтересованы в том, чтобы установленный для векселя формализм был точно соблюден, особенно же, чтобы был ускорен вексельный процесс.

По вопросу об абстрактности вексельного обязательства М. М. Агарков говорит, что в Англии, где вексель носит каузальный характер, он вовсе не теряет своего значения для оборота.

А. В. Карасс считает, что линия строгого формализма, проводимая Верховсудом, должна быть ослаблена, ибо, идя в направлении к приближению нашего законодательства к международному обороту, надо все же иметь в виду, что векселя у нас выдаются также и крестьянам.

— Выполняемая векселем роль в обороте—говорит Н. Г. Кобленц—не допускает ослабления формализма, но, быть-может, условия нашей экономики диктуют провести разграничения между векселями внутреннего характера (выдаваемые госорганами друг другу), в отношении которых возможно ослабление формализма, и векселями с частными лицами, в отношении которых совершенно правильна политика Верховсуда.

Д. С. Розенблюм говорит, что формализм векселя необходим для оборотоспособности его. Однако, отсюда не следует, что недопустимы возражения векселедателя против первого векселеприобретателя, т. к. они не отражаются на оборотоспособности векселя.

Не соглашается с первым тезисом докладчика Ф. И. Вольфсон, считая, что он неправильно освещает действительность, т. к. вексель у нас очень хорошо внедряется. Многочисленные дела в судах за последнее время показывают, что вексель очень быстро прививается в обороте, а громадное большинство вексельных споров является показателем нездоровых качеств торгового оборота. И именно поэтому нельзя допустить ослабления вексельного формализма и абстрактности. Что же касается процессуальной стороны вопроса, то надо стремиться к ослаблению силы судебного приказа.

И. С. Войтинский находит, что докладчик смешивает формализм в праве с абстрактно-формальным мышлением. Если интересы оборота требуют установления определенных строгих форм, то соблюдение их необходимо, даже если иметь в виду, что во главе наших трестов и торгов стоят выдвиженцы из рабоче-крестьянской среды. Весь вопрос заключается в известной дозе формализма, соблюдение которого необходимо. На то и имеются во всех этих учреждениях свои юрисконсульты, чтобы к ним за помощью обращались во всех подобных случаях.

С. М. Прушицкий в своем заключительном слове указывает, что он вовсе не противник строгого соблюдения установленного формализма вообще, ибо формализм формализму рознь; в том-то и дело, что вопрос в необходимой дозе формализма, увеличенный размер которого переходит в другое качество. И там, где формализм благоприятствует интересам господствующего класса (напр. выдача суд. приказа на основании расчетных книжек), там он должен быть строго соблюден; там же, где нет этого соответствия, возникает, естественно, сомнение в целесообразности его существования.

В. Т.

— Х Р О Н И К А. —

Основные задачи Народного Комиссариата Внешней и Внутренней Торговли.

Вслед за слиянием Наркоматов Внешней и Внутренней Торговли в единый Народный Комиссариат Внешней и Внутренней Торговли объявлен приказ № 36 от 6 февраля 1926 года по новому Наркомату, определяющий ближайшие основные задачи его в области внешней и внутренней торговли.

В области внешней торговли основными задачами являются:

Осуществление и охрана монополии внешней торговли, как руководящий принцип в торговых сношениях СССР с другими странами, используя ее в интересах подъема и развития народного хозяйства страны, создания наиболее благоприятного положения для вывозимых из СССР продуктов на зарубежных рынках и охрана естественных богатств СССР от их расхищения. Проведение целиком и полностью в кратчайший срок директивы о привлечении хозорганов к более непосредственному участию в оперативной работе по импорту и экспорту, приведя в соответствие с этими директивами формы внешней торговли. Осуществление целиком утвержденного плана экспорта, принимая систематические и решительные меры к повышению отдельных статей вывоза, имея прямой задачей создание активного баланса. Реальное заинтересование в повышении вывоза местных организаций и отдельных хозорганов. Строгий контроль за тем, чтобы состав ввоза действительно соответствовал подлинным потребностям народного хозяйства и, в первую очередь, дальнейшему развитию социалистической промышленности, а также подъему сельского хозяйства, решительно борясь со всякой непроизводительной тратой народного достоинства за границей.

В области внутренней торговли основными задачами ближайшего момента являются:

Выполнение планов заготовок хлеба и сырья путем организации рынка и устранения всех замеченных до сих пор дефектов.

В области цен попрежнему необходимо исходить из интересов наиболее выгодной для всего народного хозяйства реализации урожая, т. е. как из интересов дальнейшего развития хозяйства основных масс крестьянства, так и из бюджета рабочих масс и возможности выгодной продажи за границей избытков урожая. Наблюдение за действительным осуществлением установленной политики цен в области промышленных товаров и в особенности всесторонняя борьба за приведение розничных цен на промтовары в соответствие с оптовыми ценами промышленности. Обеспечение правильного распределения товаров масс промышленности с внимательным учетом особенностей и интересов отдельных районов, хода заготовок и т. д. Улучшение и рационализация всего торгового аппарата страны. Содействие кооперации в деле улучшения ее организации, борьба с капиталистическими пережитками в ней (непомерные наряды и т. п.), превращение ее на деле в образцовый аппарат обслуживания товароборота страны, не упуская ни на минуту из виду, что в условиях Советской власти кооперация является не только наиболее экономным и наиболее выгодным для широких масс населения аппаратом распределения, но что «действительное кооперирование действительно широких масс населения» является путем к социализму для широких крестьянских масс.

III Всероссийский съезд работников исправительно-трудового дела.

Народный Комиссариат Внутренних Дел по Главному Управлению местами заключения созывает в Москве третий Всероссийский съезд работников исправительно-трудового дела для обсуждения и проработки следующих вопросов:

1. Советское исправительно-трудовое дело и иностранные карательные системы.
2. Методы администрирования в местах заключения.
3. Условно-досрочное освобождение.
4. Организация производств и работ в местах заключения (итоги, перспективы, организационный план).
5. Культурно-просветительная работа в местах заключения (итоги, перспективы, организационный план).
6. О Государственном Институте по изучению преступности и преступника при НКВД.

Проект нового декрета о местных трестах.

Президиум ВСНХ РСФСР представил на утверждение СНК РСФСР проект нового декрета о местных трестах.

Со времени издания декрета от 17 июля 1923 г. о местных трестах выявился ряд обстоятельств, требующих внесения в этот декрет весьма существенных изменений. Предлагаемые ВСНХ РСФСР изменения касаются порядка утверждения уставов местных объединений и их регистрации, расширения прав местных органов по сдаче в аренду и принятия в аренду предприятий, условий кредитования, вхождения в местный бюджет, предоставления права торговли, системы прохождения и утверждения производственных программ и смет местных трестов и т. д.

Разработанный ВСНХ проект декрета, по мнению ВСНХ, должен распространяться только на тресты областного, окружного, губернского и уездного значения. Распространение же его на местную промышленность низшего подчинения — волостную, районную и горсоветов — было бы нерационально, так как нормы декрета для этой промышленности оказались бы громоздкими и неудобными. Для этих трестов должен быть издан особый декрет со значительно упрощенной системой их организации, управления и порядка деятельности. Соответственный проект в настоящее время разрабатывается в ВСНХ РСФСР.

Документы и удостоверения об актах гражданского состояния.

Наркомвнудел предложил всем административным делам (ц. № 595—25 г.—«Бюлл. НКВД» № 43) точно и неуклонно выполнять п. 3 декрета «об отделении церкви от государства», гласящий, что: «каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой». На основании указанного декрета, служители религиозных культов, совершающие обряды крещения, брака и т. п. до регистрации этих событий органами ЗАГС, ответственности не подлежат, если они при этом не присваивают административных или иных публично-правовых функций и прав юридических лиц.

В случае присвоения служителями религиозных культов, указанных в п. 2, функций, т. е. выдачи формальных удостоверений о событиях рождений, смертей, браков и т. д., последние подлежат только уголовной ответственности в порядке ст. 123 Угол. Код.

Все справки, выдаваемые служителями религиозных культов о совершении обрядов крещения, погребения и т. п., являются частными справками, не имеющими юридической силы.

Все метрические свидетельства о событиях рождений, смертей и браков, выданные служителями религиозных культов до 1 января 1919 г., имеют законную силу после того, как они будут заверены соответствующим органом ЗАГС, в противном случае достоверность данных свидетельств является сомнительной. Заверка производится бесплатно.

Все церковные метрические книги, отобранные от служителей культов, согласно инструкции НКЮ о порядке проведения в жизнь декрета «об отделении церкви от государства» («С. У.» 1918 г. № 62, ст. 685) и находящиеся в архивах ЗАГС, имеют одинаковую силу с книгами актов гражданского состояния.

Все метрические свидетельства и справки о событиях рождений, смертей, браков и т. п., выданные служителями религиозных культов после 1 января 1919 г., не имеют законной силы.

В тех местностях, где Советская власть установилась после 1919 г. и фактическая регистрация актов гражданского состояния (гражданским порядком) не была установлена или где органы ЗАГС прекращали свою деятельность по причине оккупации данной местности враждебными войсками, метрические удостоверения или справки, выданные служителями религиозных культов, приобретают законную силу только в том случае, если они будут снабжены визой соответствующего органа ЗАГС о том, что данное событие (рождение, смерть, брак) последовало в период времени, когда в данной местности органы ЗАГС не функционировали.

Всем губзасгам вменено в обязанность сообщать государственным учреждениям о том, что при определении государственно-правовых отношений последние обязаны требовать от граждан свидетельства и справки, выданные непосредственно органами ЗАГС, или старые, метрические выписи с обязательной визой соответствующих органов ЗАГС.

По автономным областям.

Юридическая помощь населению Вотской авт. обл.

При Центральном Вотском клубе организовано юридическое бюро, которым оказывается бесплатно юридическая помощь населению. Работа бюро выражается в оказании помощи населению не только по судебным делам, но и по всем касающимся крестьянства вопросам: налоговым, лесным, земельным и др. вопросам.

В бюро приходят даже за 30—40 верст крестьяне, не знающие вовсе русского языка.

По каким делам больше всего обращаются в бюро?

Как массовое явление нужно отметить прежде всего жалобы женщин на своих супругов и просьбы их о разделе имущества, о воспитании детей и т. д.

Из области земельных отношений наиболее часты дела, связанные с землеустроительным процессом, ибо споры преимущественно возникают в связи с устранением дальпоземелья, вклинивания с выделом земель из общества и т. п. Нередки жалобы на медленность землеустройства.

При знакомстве с делами, в особенности, с делами волземкомиссии, обнаруживается неудовлетворительная постановка работы, ибо в некоторых из них нельзя даже понять сущности решенного дела, при чем такие дела бывают в уземкомиссиях. Часты обращения с делами о пределах земли, которые обычно всячески тормозятся более зажиточным крестьянством. Большинство обращающихся

Порядок засвидетельствования подлинности подписей на удостоверениях и справках, выдаваемых домоуправлениями.

Наркомвнудел установил порядок засвидетельствования подлинности подписей на удостоверениях и справках, выдаваемых домоуправлениями, арендаторами и владельцами домов (ц. № 562—25 г.—Бюлл. НКВД № 42).

Удостоверения и справки, выдаваемые домоуправлениями, действующими на основании установленных для них уставов, инструкций и правил, как, например: жилищными товариществами, общежитиями, домами-коммунами и т. п., об семейном и имущественном положении граждан (о составе семьи, об отсутствии трудоспособных членов, о членах семьи, состоящих на иждивении, о составе имущества, о безработности и т. п.), о месте жительства граждан, а также по другим вопросам, входящим в круг ведения названных домоуправлений, не пугаются как выданные в пределах отведенной указанным выше органам и лицам компетенции в представлении их в органы милиции или нотариата для засвидетельствования подлинности učinенных на них подписей.

Такого же рода удостоверения и справки, выдаваемые частными лицами, выполняющими функции домоуправления и зарегистрированными в отделе местного хозяйства (арендаторами, владельцами домов), имеют одинаковое значение и силу с удостоверениями и справками, выдаваемыми указанными в п. 1 домоуправлениями, но должны быть предварительно предъявлены в органы милиции для засвидетельствования подлинности подписи лица, выдавшего удостоверение или справки, по отнюдь не правильности помещенных в этих удостоверениях и справках сведений.

Удостоверения и справки должны заключать в себе указания, на какой предмет они выданы и должны быть подписаны ответственными по домоуправлению лицами или арендаторами, а выдаваемые домоуправлениями, кроме того, должны иметь печать домоуправления.

по земельным делам уполномоченные от обществ других организаций.

Что касается лесных дел, то крестьяне обращаются в большинстве случаев по вопросам о льготном и бесплатном отпуске лесных материалов и о перечислении лесных площадей из лесного фонда в земельный, по числу всего с жалобами на медленность рассмотрения в лесных органах возбужденных ими ходатайств.

До марта 1925 года посещаемость по делам о едином сел.-хоз. налоге превышала 50 проц. общего числа обращений, а к концу отчетного года понизилась до 9 проц. что объясняется вообще более льготным характером положений о едином сел.-хоз. налоге 1925 г.

Наиболее часты обращения с ходатайством об уменьшении контрольных цифр облагаемой земли, о сложении и предоставлении льгот красноармейским и беднейшим хозяйствам, по стихийным бедствиям и т. п.

По трудовым делам наиболее часты жалобы на незаконные увольнения со службы и работ, а также жалоб на отказ о выдаче пенсии обкомиссией и обстрахкассо семьям рабочих и инвалидам труда.

Большинство посетителей были крестьяне, а именно крестьян 85 проц., рабочих 10 проц., служащих 3 проц. учащихся 2 проц., по национальности: вотяков 65 проц. русских и прочих 35 проц.; женщин 25 проц.

Чернов.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

— СО Д Е Р Ж А Н И Е: —

Циркуляры НКЮ: №№ 27, 28. — Пост. президиума Верх. Суда. — Инструктивное письмо УНК Верховсуда № 1.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 27.

Всем край., обл. и губ. прокурорам.

Копия: ПРОКУРОРАМ АВТ. РЕСПУБЛИК.

О порядке расходования субвенционных сумм.

Ст.ст. 115—118 временного положения о местных финансах установлено выделение из общесоюзных средств особого целевого фонда на удовлетворение отдельных потребностей местного хозяйства и финансов в виде дополнения в определенном размере к средствам, отпускаемым местными исполнительными комитетами на те же надобности. Отпуск средств из этих т. н. субвенционных фондов заменил прежнюю систему дотации, т. е. отпуска средств без точного определения целевого назначения этих средств. Вместе с тем было установлено, что средства подлежат расходованию исключительно на те потребности, которые были предназначены при их отпуске.

Положение о государственных субвенционных фондах для финансирования местных бюджетов от 29 декабря 1924 г. («Собр. Узак. РСФСР» 1925 г., № 3, ст. 24) и ряд дополнительных к нему указаний установили все обязанности местных органов, получающих пособия из субвенционных фондов, равно категории тех потребностей, которые подлежат удовлетворению за счет фондов, и те условия, при наличии которых самый отпуск сумм субвенционных фондов возможен.

Однако, из имеющихся в распоряжении НКЮ данных усматривается:

- 1) что субвенция расходует не по прямому назначению;
- 2) что не соблюдаются требования действующего законодательства о минимуме заработной платы для тех категорий работников, которые лишь субвенируются (воспособляются) из государственных средств;
- 3) что замечаются случаи несвоевременного разассигнования субвенционных кредитов;
- 4) что заработная плата несвоеременно выплачивается полностью или частично (случаи выплаты субвенционной доли и задержки доли зарплаты, причитающейся за счет местных средств).

В виду изложенного и на основании постановления СНК РСФСР предлагаю:

- 1) иметь неуклонное наблюдение за своевременным отпуском и правильным распределением и расходованием субвенционных сумм;

2) установить ближайшую связь с комиссиями по распределению субвенционных фондов и по наблюдению за их использованием;

3) постановления, противоречащие действующему законодательству, немедленно опротестовывать, сообщая одновременно копии протестов в Прокуратуру Республики;

4) в отдельных случаях возбуждать вопрос об уголовной и дисциплинарной ответственности лиц, нарушающих действующие узаконения о субвенционных фондах.

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор
Республики **Курский.**

9 февраля 1926 г.

Циркуляр № 28.

Всем губ. и обл. судам.

Об освобождении от гербового сбора некоторых обращений в нотариальные конторы.

Народный Комиссариат Юстиции предлагает для руководства нотариальных учреждений постановление Народного Комиссариата Финансов СССР от 23 января 1926 г. № 48 об освобождении от гербового сбора некоторых обращений в нотариальные конторы.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**
Член Коллегии НКЮ **Бранденбургский.**

13 февраля 1926 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ НАРКОМФИНА С. С. С. Р.

№ 48 от 23 января 1926 г.

Об освобождении от гербового сбора некоторых обращений в нотариальные конторы.

На основании § 79 Перечня изъятий по гербовому сбору Наркомфин СССР постановляет: освободить от гербового сбора обращения в нотариальные конторы о совершении или засвидетельствовании всякого рода актов, для совершения или засвидетельствования которых действующими узаконениями установлен нотариальный порядок (пол. о гос. нот. ст. 1 п. «а» и «б»).

И. о. Наркомфина СССР **Брюханов.**

Постановление Президиума Верх. Суда РСФСР от 20 января 1926 года (прот. № 3).

О надзоре за работой отдельных судов и их членов.

1. На основании 98 ст. положения о судостроительстве для предварительного рассмотрения указанных в этой статье вопросов, подлежащих разрешению Верховсуда или НКЮ, образуется комиссия в составе председателя (или зам. председателя) Верховного Суда, председателей (или зам. председателей) кассационных коллегий Верховсуда, члена коллегии НКЮ - Зав. Отделом Судебного Управления.

2. В задачи комиссии входит учет работы судов, подведомственных Верховсуду, и их отдельных членов по материалам, имеющимся в Верховсуде и его кассационных коллегиях, в связи с материалами, имеющимися в Отделе Судебного Управления Наркомюста.

3. Комиссия имеет право:

а) делать общие выводы и давать заключения о работе отдельных судов и их членов, вызывая в случае

необходимости председателей губ., обл. и глав. судов или зам. председателей этих судов, зав. гражд. и угол. отделами для выяснения вопросов, связанных с их судебной и кассационной практикой;

б) выносить заключения о производстве ревизии;

в) выносить заключения о непригодности того или иного члена суда;

г) выносить заключения о предании их дисциплинарному суду;

д) предварительно заслушивать отчеты по ревизии судов.

4. Заключения и выводы, которые выносятся комиссией, обсуждаются и проводятся в жизнь Наркомюстом или Верховным Судом в зависимости от того, к кому тот или иной вопрос имеет непосредственное отношение.

5. В целях учета работы судов и их отдельных членов на кассационные коллегии возлагается ведение ведомостей, как по каждому суду в целом, так и по отдельным членам этого суда.

В ведомости надлежит заносить:

а) сколько приговоров утверждено Верховным Судом;

б) сколько приговоров отменено и по каким признакам;

в) сколько приговоров изменено и по каким признакам;

г) сколько приговоров прекращено;

д) все замечания и характеристики членов кассколлегии, не входящие в определения В. С.;

е) замечания по протоколам пленумов судов в части, касающейся разрешения судебных дел.

6. По материалам кассационных коллегий каждые три месяца делаются сводки работы судов и отдельных членов этих судов, которые докладываются комиссии по надзору.

Примечание. В случае необходимости комиссия по надзору может поручить кассколлегии собрать необходимый ей материал по тому или иному суду или относительно отдельных членов их вне порядка, установленного п. 6.

7. Порядок работы кассколлегии по вышеуказанным вопросам разрабатывается кассколлегией и утверждается Президиумом Верх. Суда.

Инструктивное письмо УКК

Верховного Суда РСФСР 1926 года № 1.

Рассылается на основании ст. 6 наказа УКК, по утверждению его Президиумом Верховного Суда в заседании от 10 февраля 1926 года.

Председатель Верховного Суда РСФСР Стучина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ ГЛАВНЫХ, КРАЕВЫХ, ОБЛАСТНЫХ И ГУБЕРНСКИХ СУДОВ.

Дорогие товарищи!

Практика уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда за последние несколько месяцев доказывает, что в работе губсудов имеются такие недочеты, которые настоятельно требуют устранения. Целью настоящего письма является указание этих недочетов и усиленное разъяснение правильного подхода к тем вопросам уголовной политики, в связи с решением которых УКК наиболее часто наблюдала неправильные уклоны.

Ст.ст. 142, 143 и 149 Уг. Код.

За последние несколько месяцев замечается неправильное применение ст.ст. 28 и 36 УК по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 142, 143 и 149 УК.

Из санкций этих статей видно, что подобного рода преступления являются тяжчайшими из всех преступлений против личности и сопряженными с тяжелыми последствиями для потерпевших.

Таким образом, социальная опасность этих преступлений очень велика, но она еще усугубляется широкой распространенностью их, в особенности, в крестьянской среде. Поэтому назначение мер социальной защиты ниже низшего предела по этим преступлениям должно применяться с надлежащей осторожностью и сопровождаться обязательно мотивировкой, указывающей, что суд, в силу наличия таких-то и таких-то условий считает возможным в данном конкретном случае применение ст. 28 УК, а тем более 36 ст. УК.

А между тем, практика УКК знает много случаев применения ст. 28 (реже 36 ст.) без всякой мотивировки или почти без мотивировки, при чем самое снижение бывает очень резким.

Подтвердим это следующими примерами:

Группа молодежи одной деревни, желая отомстить одному из молодежи другой деревни, уговаривается напасть на группу молодежи этой другой деревни и избить обидчика. Во исполнение этого намерения первая группа молодежи, вооружившись кольями, направляется вслед за второй группой, нагоняет ее и набрасывается с криками «крой». Все

разбежались, кроме двоих. Одного не тронули, а другому кольями нанесли ряд тяжелых повреждений, от которых он и умер. Суд, признавая виновными ряд лиц по ст. 149, ч. 2 УК, назначает им всем по пяти лет лишения свободы, а затем, учитывая молодой возраст осужденных, их несудимость, снижает меру социальной защиты до одного года. В дальнейшем суд, указывая на то, что осужденные не являются социально опасными, переходят по отношению всех осужденных к условному осуждению. Конечно, такой приговор явно неправилен.

Другой пример.

Муж разошелся с женой. По приговору суда он обязан ежемесячно уплачивать на содержание ребенка 5 рублей деньгами или три пуда муки, и, кроме того, жена получает право на определенную часть несмолотой еще ржи. Не желая подчиниться приговору суда, муж призывает к себе жену с ребенком. Жена сама не идет, а посылает одну девочку с ребенком. Муж, желая избавиться от платежа алиментов, отравляет ребенка мышьяком и отправляет его к матери. По дороге к матери у ребенка начинаются казаться признаки отравления и, по прибытии к матери, он вскоре умирает. Суд, совершенно правильно квалифицируя преступление по ст. 142 УК, назначает меру социальной защиты в восемь лет со строгой изоляцией, а затем, принимая во внимание службу в Красной армии, некултурность и пролетарское происхождение (крестьянин-бедняк), понижает меру социальной защиты до трех лет. Конечно, такой приговор неправилен, ибо мотивом убийства, как это установил сам суд, являлась корысть.

Ст. 112 и ст. 106, ч. 2, УК.

В отношении ст. 112 и ст. 106, ч. 2, надлежит сказать следующее:

Прежде всего, суды часто смешивают эти две статьи. Ст. 112, ч. 1, имеет в виду, кроме незаконного привода и незаконного задержания, такое принуждение к даче показаний при допросе, которое не сопровождается «насилием, применением оружия или особо мучительными и оскорбляющими личное достоинство потерпевших действиями». Таким образом, ст. 112, ч. 1, в громадном большинстве случаев имеет в виду разного рода угрозы с целью вынудить дачу показаний. Если же эти угрозы сопровождаются только что перечисленными отягчающими обстоятельствами, то в таких действиях преступника будут содержаться полностью признаки преступлений, предусмотренных как ст. 112, ч. 1, так и ст. 106, ч. 2, УК, что на основании ст. 29 УК ведет

к наказуемости по статье УК с более суровой санкцией, т. е. в данном случае по ст. 106, ч. 2. Это одна сторона вопроса. Другая сторона этого же вопроса заключается в недооценке судами в очень большом числе случаев степени социальной опасности как лиц, совершающих преступление по ст. 112 и ст. 106, ч. 2, так и самого преступления.

Подкрепим это положение следующим примером. Председатель сельсовета, подозревая одну гражданку в краже, всячески пытался вынудить у нее сознание в краже. Когда это ему не удалось, он выстрелом из револьвера убил ее. Суд квалифицировал его действия по ст. 106, ч. 2, и ст. 142 назначил восемь лет, но затем, по применению амнистии, 28 и 36 ст. ст. УК, понизил наказание до одного года условно. Конечно, такой приговор неправилен.

Инструктивным письмом № 2 УСК уже подчеркивала необходимость суровой борьбы с некоторыми видами должностных преступлений, в том числе, конечно, и с преступлениями, предусмотренными ст. 112 и ст. 106, ч. 2, УК. Однако, опыт работы последних месяцев показывает, что гусуды все же недостаточно усвоили себе необходимость усиления по ним мер социальной защиты. Преступления подобного рода получили широкое распространение, а потому стали особенно социально опасны. Борьба с этими преступлениями есть борьба за революционную законность и за укрепление той смычки города с деревней, которая является основным стержнем нашей общей политики.

Ст. 113 УК.

Вопрос о правильном применении мер социальной защиты по ст. 113 УК является наиболее сложным и потому требующим особенно вдумчивого к себе отношения. Несомненно, что общая линия, взятая гусудами по этому вопросу, правильна и должна неуклонно проводиться и впредь. Борьба с растратами и присвоениями должна быть жестокая и решительная. С другой стороны, тоже несомненно, что гусуды во многих случаях применения ст. 113 УК, перегибая палку, увлекаясь проведением кампании по борьбе с растратами и присвоениями, допускают неправильности.

Неправильности эти могут быть в общем сведены к трем группам.

Прежде всего, бывают случаи рассмотрения дел о растратах таких мелких сумм или имущества, что возникает вопрос о целесообразности самого рассмотрения дел подобного рода в уголовном порядке. УСК знает случаи приговора к двум годам шести месяцам лишения свободы с поражением прав за растрату и подлог 4 руб. 30 коп.

Не говоря уже о том, что назначенная по этому делу мера социальной защиты совершенно не вяжется со степенью опасности для правопорядка подобных действий, самое рассмотрение такого дела в уголовном порядке, несомненно, нецелесообразно. Естественно, что приговор УСК отменяла и дело прекратила.

Вообще УСК обращает внимание судов на необходимость даже при проведении кампании по борьбе с растратами соблюдения правильной соразмерности в назначении мер социальной защиты, исходя из степени социальной опасности и растраты и растратчика.

Вторая группа неправильностей заключается во вменении ст. 113 УК тогда, когда факты, установленные судом, дают все основания к квалификации действий осужденного как мелкой бесхозяйственности или халатности, выразившихся в неправильном ведении операций данной хозяйственной единицы, в результате чего была недостача государственных или общественных средств, в хаосе отчетности, не позволяющей установить действительную картину состояния данной хозяйственной единицы, и проч. Причину УСК видит в неправильном понимании проведения кампании по борьбе с присвоениями.

Для того, чтобы в борьбе с присвоениями и растратами найти правильную линию поведения, нужно, прежде всего, совершенно ясно понять, против чего именно ведется эта борьба. Борьба ведется против обращения в свою личную пользу должностными лицами вверенного им по службе имущества. Широкое распространение именно этого вида преступлений повысило степень их социальной опасности и требует поэтому применения суровых мер социальной защиты.

Следовательно, следствие по делам о преступлениях, связанных с недостачей имущества, после установления факта недостачи имущества должно быть направлено на установление причин, вызвавших недостачу такового. Для установления же причин недостачи имущества суды и след-

ственные органы должны возможно более тщательно исследовать пути, по которым в данном конкретном случае была возможна утечка имущества (присвоение, хищение, кража, естественная убыль, убыль вследствие халатности и проч.). После детального расследования обвинительный приговор по ст. 113 УК возможен только при наличии у суда уверенности в том, что недостающее имущество, вверенное по службе подследным, было обращено ими в свою личную пользу. Между тем, практика УСК с несомненностью устанавливает, что суды нередко по делам, связанным с недостачей имущества, ограничиваются установлением факта недостачи и без достаточного исследования причин, вызвавших недостачу, выносят обвинительные приговоры по ст. 113 УК в отношении лиц, в ведении которых находилось недостающее имущество. Как на пример такого рода неправильного уклона суда можно указать на обвинительный приговор по ст. 113, ч. 2, УК в отношении заведующего магазином одного из губернских центр. рабоч. кооперативов за недостачу товара в 7.839 руб. только на том основании, что этот заведующий магазином был ответственен «за благополучие товаров в магазине», и что хищений на крупные суммы судом не установлено. Это, конечно, неправильно. Цель кампании по борьбе с растратами и присвоениями только тогда может быть достигнута, когда суды будут назначать суровые меры социальной защиты только за действительное присвоение вверенного по службе имущества. Если же суды, произвольно расширяя понятие растраты и присвоения, начнут применять суровые меры репрессий к преступлениям, не имеющим ничего общего с присвоениями, а иногда и к таким действиям привлеченных к делу лиц, которые вовсе не заключают состава преступления, то это может повредить не только борьбе с растратами, но и в стремлении упорядочить постановку дела в наших хозяйственных органах. Суровая мера репрессии, применяемая не там, где это необходимо, и не к тому, к кому следует, создает обстановку нервозности, неуверенности в работе наших хозяйственных органов, что, в конечном счете, обязательно приводит к вредным для работы результатам.

Наконец, третья группа неправильностей заключается в следующем.

Суды недостаточно исследуют вопрос о причинной связи между действиями должностного лица-растратчика, и тех должностных лиц, в подчинении которых он находился. В силу этого суды вменяют руководящим лицам учреждений, предприятий, кооперативов и т. п. ст. 108, ч. 1, УК, между тем как по делу либо недостаточно установлена, либо вовсе не установлена причинная связь между действиями (или бездействием) начальника и подчиненного, совершившего растрату.

Конечно, суды должны привлекать и осуждать руководителей хозяйственных организаций, ревизионные комиссии этих же организаций и всех прочих лиц, которые своими действиями или бездействием допустили растрату. В этом отношении никаких послаблений быть не может. Растраты и присвоения за последнее время приняли характер массового явления и потому их социальная опасность значительно увеличилась. Поэтому суды должны принять все меры (быстро предварительного следствия, первоочередное рассмотрение судом дела и т. д.) к осуждению не только растратчиков, но и всех тех, которые в той или иной мере являются ответственными за эти преступления. В особенности это важно в отношении низовых ячеек кооперации, где растраты и присвоения зачастую приводят к гибели этих ячеек и тем срывают работу на одном из наиболее важных участков социалистического строительства. Однако, столь же несомненно, что борьба судов с халатностью руководителей учреждений, ревизионных комиссий и пр. лиц должна вестись с надлежащей осторожностью. Можно и нужно их привлекать и осуждать только тогда, когда судом будет установлена причинная связь между их действием (или бездействием) и растратой. Если же эта причинная связь не установлена, то осуждение их в конечном итоге всегда приведет к обратным результатам. Не следует без достаточных оснований дергать хозяйственников и тем создавать неуверенность, излишнюю нервозность в их работе—это и не нужно и вредно.

Поэтому УСК предлагает гусудам во всех случаях привлечения должностных лиц по ст. 108 УК в связи с привлечением других по ст. 113 УК обязательно и тщательно расследовать вопрос о том, какие именно действия (или бездействие) лиц, привлеченных по ст. 108 ч. 1, связаны с совершением растраты или присвоения, входят ли эти действия в круг обязанностей этих лиц и по каким признакам эти действия должны квалифицироваться по 1 ч. ст. 108 УК (или 107, 128, 180-а УК).

Кроме того, как этого требует ст. 334 УПК, губсуды обязаны в приговоре точно и конкретно описать те действия, которые образуют собою состав преступления, предусмотренного ст. 108, ч. 1, УК.

Хозяйственные преступления.

Практика УПК с бесспорностью устанавливает, что суды далеко не всегда удачно справляются с разбором хозяйственных преступлений и допускают ряд ошибок как в применении материальных норм, так и в применении процессуального закона. Объясняется это, конечно, особой сложностью почти каждого хозяйственного дела, которое для правильного его разрешения требует от судебных работников не только особой тщательности при разработке и обдумывании в выводах, но и умения правильно разобраться в той хозяйственной обстановке, в которой действовали привлеченные к суду лица. Эти особенности хозяйственных преступлений делают и целесообразным и желательным специальный состав народных заседателей при разборе дел о хозяйственных преступлениях из местных хозяйственников-общественников и вообще лиц, обладающих достаточными знаниями и опытом для ориентировки в хозяйственной жизни данной местности.

Обращая особое внимание судов на хозяйственные преступления, УПК считает необходимым в настоящем письме указать на главные и типичные ошибки судов, допускаемые ими при разборе хозяйственных преступлений.

Прежде всего следует остановиться на тех вопросах, которые вытекают из неправильного или недостаточного учета объективных условий в работе хозяйственных организаций, что в результате ведет к неправильному применению закона. Практика УПК знает немало случаев привлечения и осуждения за заключение невыгодных договоров в то время как эти договоры были, несомненно, выгодны в момент заключения, а невыгодными стали только уже позднее, вследствие изменившихся условий рынка. Конечно, каждый хороший хозяйственник должен уметь до известной степени предвидеть изменение условий рынка. Конечно, в некоторых отдельных случаях непредвидение этих изменений может повлечь за собой и уголовное преследование. Однако, в этих последних случаях суд обязан точно установить, почему именно в данном конкретном случае он пришел к выводу о том, что данное лицо обязано было предвидеть невыгодные последствия выгодного в момент заключения договора. Далее практика УПК знает случаи обвинительных приговоров за бесхозяйственность в то время как из материалов дела с очевидностью устанавливается, что убытки учреждения хотя и вызваны действиями привлеченных к делу лиц, однако, по существу являются неизбежным следствием объективных условий (депрессия рынка, конкуренция и пр.). Бывают и такие случаи: суд выносит обвинительный приговор по бесхозяйственности, несмотря на то, что общие операции учреждения дали прибыль, а убыток был установлен в отношении отдельных операций. Наконец, бывают случаи обвинительных приговоров по ст. 128 и 128-а за заключение невыгодных договоров госпредприятия с госпредприятием. Это, конечно, неправильно, так как в этом случае убытков для государства в целом быть не может, а, следовательно, социальная опасность такого рода действий должностных лиц, если, конечно, в них нет моментов личной и корыстной заинтересованности, минимальная и не требует применения уголовной репрессии.

Уже из приведенных нами случаев ясно, что в отношении учета хозяйственной обстановки у судов не все благополучно и что, следовательно, на эту сторону следует обратить особое внимание при разборе хозяйственных преступлений.

Затем в отношении хозяйственных преступлений следует отметить недочеты судов и следственного аппарата при применении процессуального закона.

Здесь прежде всего следует отметить нагромождение в деле в период дознания и предварительного следствия различного рода материалов, не имеющих никакого отношения к делу. Нужно раз навсегда помнить, что дознание и следствие исследуют только те стороны деятельности привлеченных к делу лиц, которые в той или иной степени связаны с преступными действиями этих лиц. Кроме того, самое исследование должно быть именно исследованием, т.е. оценкой приобретенных к делу различного рода документов, свидетельских показаний, очных ставок, выявляющих преступные действия привлеченных к делу лиц путем сравнения, выводов, если нужно, путем экспертизы и пр.; между тем, на практике дознание и следствие нередко ограничиваются приобщением к делу целого ряда отчетов, актов ревизионных комиссий, балансов и пр. документов, из коих громадная часть вовсе не имеет никакого отношения к делу,

а остальная часть хотя и имеет отношение к делу, но не может быть правильно использована судом вследствие отсутствия предварительной проработки этой части органами дознания и следствия. В результате, во-первых, дело до-нельзя распухает за счет материалов, не имеющих никакого отношения к делу, при чем на собрание этих материалов тратится масса времени, а во-вторых, действительно важный для дела доказательственный материал, не проработанный на дознании и предварительном следствии, да к тому же утопающий в густе ненужных бумаг, ускользает от внимания суда.

Таким образом, следствие затягивается до совершенно недопустимых пределов, тратятся лишние средства, силы и тратятся без толку, так как момент назначения меры социальной защиты настолько отодвигается от момента совершения преступления, что достижение целей назначения мер социальной защиты становится крайне сомнительным.

Здесь же следует напомнить, что приобщение к делу подобных документов, характеризующих работу хозяйственных, целесообразно только тогда, когда это действительно необходимо для расследования дела. Изъятие балансов, отчетов, разного рода книг, нужных для текущей работы хозяйственных, в некоторых случаях болезненно отражается на их работе в целом, а иногда создает невозможность нормальной работы. Это нужно учесть и ограничить изъятие подлинных документов теми случаями, когда нет возможности заменить подлинники копиями, выписками, актами осмотра и проч.

Далее об экспертизе. Несомненно что сложные хозяйственные дела, как общее правило, без экспертизы правильно рассмотреть невозможно. Затем также несомненно, что хозяйственная экспертиза в громадном большинстве случаев, во-первых, имеет весьма важное значение для конечных выводов суда по делу, а во-вторых, требует значительного количества времени. Оба эти момента требуют, чтобы экспертиза с надлежащей тщательностью и полнотой была произведена еще в стадии предварительного следствия. А между тем, нередко это не делается. В стадии предания суду судьи обязательно должны остановиться на этом вопросе и в случае признания ими обязательности производства экспертизы выносить определение о доследовании дела для производства экспертизы. Далее, если суд признает необходимым повторную экспертизу на судебном следствии или если в отдельных случаях суд сочтет возможным ограничиться экспертизой на судебном следствии без направления дела к доследованию, то, во всяком случае, в дальнейшем, на судебном следствии отказ от экспертизы должен быть подробно мотивирован судом в особом определении. Между тем, суды, зачастую вынося сначала определение о необходимости экспертизы, в ходе судебного следствия от нее отказываются, отказ ничем не мотивируют или мотивируют «ясностью дела», что, конечно, мотивировкой не является.

Нередки также случаи смешения функций эксперта и свидетеля—это уже безусловно недопустимо, так как прямо противоречит закону (ст. 43 и 48 УПК). Также недопустимо вызывать в качестве эксперта лиц, которые состоят на службе в том учреждении, которое по делу является гражданским истцом, так как беспристрастность такого эксперта всегда может быть оспорена подсудимым.

Наконец, наибольшее число нарушений по хозяйственным делам падает на составление приговора.

Ниже, в этом же письме, УПК указывает подробные основные правила, которые должны соблюдаться при написании приговора, и поэтому здесь останавливаться на этом не за чем.

Следует указать только на значительное количество приговоров, которые вместо краткого и точного изложения состава преступления наполняются рядом никому ненужных рассуждений общего характера, описанием побочных моментов, при чем вменяемые осужденным преступные факты так переплетаются с этими побочными моментами, что в результате невозможно уяснение того, в чем именно суд усмотрел наличие состава преступления.

Кроме этих ошибок, относящихся ко всей группе хозяйственных преступлений, следует остановиться на некоторых случаях неправильного применения материального закона при применении ст. 128 УК.

Ст. 128 УК.

Прежде всего губсуды привлекают по этой статье лиц, к которым она по тексту закона не может быть вменена. Согласно текста закона ст. 128 может быть вменена только руководителям учреждений и предприятий или их уполномоченным. Между тем, суды нередко ст. 128 применяют к среднему и даже канцелярскому персоналу учреждений.

Затем следует отметить различное толкование судами понятия «трудно возместимого ущерба». Как видно из текста ст. 128, для состава преступления, этой статьей предусмотренного, нужно установить, что результатом бесхозяйственности было причинение предприятию или учреждению трудно возместимого ущерба.

Под «трудно возместимым ущербом» нужно понимать такой ущерб учреждению или предприятию, который серьезно отразился на операциях данной хозяйственной единицы в целом. Следовательно, в каждом отдельном случае решающую роль в разрешении вопроса о трудно возместимом ущербе будет играть не сумма причиненных убытков, а соотношение между причиненными убытками и размерами операций данной хозяйственной организации.

Наконец, следует отметить неправильное привлечение некоторых лиц по ст. ст. 16 и 128, ч. 2 УК. Совершенно ясно, что соучастие по ст. 128, ч. 2, обязательно предполагает наличие умысла—«сговора» у лиц должностных. Между тем, суды в некоторых случаях вменяют ст. 128, ч. 2, через ст. 16 УК только на том основании, что эти лица своими действиями объективно способствовали бесхозяйственности осужденных по ст. 128, ч. 2 УК. Если у привлеченного по делу должностного лица нет умысла способствовать бесхозяйственности, нет «сговора» должностных лиц, то такие действия либо не содержат в себе состава преступления, либо заключают в себе состав самостоятельный преступной неосторожности (в громадном большинстве случаев по ст. 108 УК), но, во всяком случае, не могут быть рассматриваемы, как соучастие должностных лиц в бесхозяйственности, в корыстных целях, по предварительному сговору их.

Перейдем к типичным нарушениям процессуальных норм. В этих нарушениях в первую голову бросается в глаза громадное число нарушений, связанных с неправильным составлением приговоров.

Ст. 334 УПК.

В докладе о работе судов за 1924 год УПК уже указывала на основные неправильности, допускаемые судами при составлении приговоров. К сожалению, неправильности эти повторяются и до сих пор. Поэтому УПК считает необходимым в настоящем письме дать несколько руководящих указаний о правилах составления приговора.

Ст. 334 УПК требует, чтобы приговор состоял из описательной и резолютивной частей. Описательная часть должна заключать в себе формулировку обвинения, в котором подсудимый оправдан или которое признано доказанным.

Другими словами, описательная часть приговора должна содержать в себе изложение преступных действий подсудимого в том виде и в той последовательности, как это установлено материалами дела. Далее, ст. 334 указывает, из каких элементов складывается формулировка обвинения. Рассмотрим порознь каждый из этих элементов.

Прежде всего формулировка обвинения должна заключать в себе подробное освещение личности подсудимого (имя, отчество, фамилия или прозвище, возраст, классовая принадлежность и социальное положение). С этими элементами формулировки обвинения в общем деле обстоит достаточно благополучно. Можно только подчеркнуть необходимость точного выявления в приговоре возраста, классовой принадлежности подсудимого, а также сведений о судимости в прошлом с обязательным указанием на то, когда подсудимый судился, за что и отбыл ли наказание.

Далее, ст. 334 УПК обязывает суд осветить в приговоре и личность потерпевшего. Здесь следует отметить важность подробного выявления личности потерпевшего, если какое-либо свойство его личности повлияло на способ или другие отличительные признаки совершенного преступления. С этими элементами формулировки обвинения суды также справляются вполне благополучно.

Значительно хуже обстоит дело с последним и наиболее важным из указанных в ст. 334 УПК элементом формулировки обвинения, со способом совершения преступления и другими отличительными признаками, какие по обстоятельствам дела имели место.

Важность этих элементов заключается в том, что именно они определяют квалификацию преступных действий подсудимого, и то время как остальные элементы формулировки обвинения влияют на размер ответственности подсудимого. Изложение в описательной части способа совершения преступления и других отличительных признаков преступления составляет сущность формулировки обвинения. Именно в них должны быть выявлены все те признаки преступных действий подсудимых, которые в совокупности образуют состав преступления, предусмотренного какой-либо из статей осо-

бенной части Угол. Код. Поэтому на правильность изложения этих элементов формулировки обвинения суды должны обратить особое внимание. Главные усилия судов при изложении этой части формулировки обвинения должны быть направлены к такому изложению признаков преступных действий, из которого ясно было бы видно, что именно фактически было совершено подсудимым. Язык формулировки обвинения должен быть кратким, точным и вместе с тем простым. Каждый обвинительный пункт формулировки, если только их несколько, должен выпукло и конкретно излагать действия подсудимого. Конкретность изложения фактической стороны преступных действий—необходимый и главный признак правильного составления приговора. Формулировка обвинения ни в коем случае не должна заключать в себе общих выражений и отвлеченных юридических терминов, а она должна содержать в себе изложение реальных, в действительности бывших преступных действий подсудимого в той их совокупности и последовательности, как это установлено судом.

Возьмем пример. Если по делу установлено, что результатом телесного повреждения явилось незначительное обезображение лица, то суд должен в формулировке обвинения указать, что потерпевшему нанесены в лицо такие-то и такие-то раны, такой-то глубины, ширины, в таком то месте, что привело к обезображению лица.

Второй пример. Если суд установил, что подсудимый, злоупотребляя властью, пользовался трудом подчиненных, извлекая из этого выгоду, то суд и должен в формулировке обвинения указать, что подсудимый тогда-то и там-то, используя свое служебное положение, приказал таким-то подчиненным ему лицам выполнить такую-то частную работу, отчето и получил такую-то пользу для себя лично. Такого рода изложение будет изложением реального содержания преступных действий подсудимого.

А между тем, суды нередко в подобных случаях пишут: подсудимый, злоупотребляя своей властью, использовал труд подчиненных ему лиц. Такая формулировка обвинения не дает ничего, кроме общего понятия о совершенном деянии, а потому не отражает собой того, что в действительности совершено подсудимым.

В особенности следует обратить внимание на конкретность изложения мотивов совершения преступления, так как очень часто именно мотивы совершения преступления играют решающую роль в определении степени социальной опасности и преступления и преступника. Поэтому в описательной части приговора излагаются действительные, реальные цели, которые преследовались преступником, или действительное вполне конкретное психическое состояние, толкнувшее его на совершение преступления. Таким образом, если суд установил, что брат убил брата с целью в дальнейшем воспользоваться его имуществом, то в описательной части приговора он должен указать, что мотивом убийства послужило желание воспользоваться имуществом брата, а отнюдь не ограничиваться общим указанием на корыстные мотивы убийства.

Другой пример. Если суд установил, что тяжкое телесное повреждение было нанесено из-за издевательства и оскорбления со стороны потерпевшего, то он должен изложить в приговоре, в чем именно заключались эти издевательства и оскорбления со стороны потерпевшего, а вовсе не ограничиться общим указанием на то, что преступление совершено из мести к потерпевшему.

Кроме этих общих указаний о составлении описательной части приговора, надлежит отметить необходимость такого изложения действий осужденного, из которого бы с неизбежностью вытекал их умышленный или неосторожный характер. Нужно помнить, что по нашему Уг. Код. меры социальной защиты применяются только против тех, которые действовали умышленно или неосторожно, и что умышленность или неосторожность действия определяет состав преступления, а в некоторых случаях исключают его.

Пример. Умышленное или неосторожное убийство, дающее столь сильно различную квалификацию преступлений, и неосторожный поджог, вовсе не заключающий в себе состава преступления. Но, помимо точного указания на умышленность действий, суд обязан в описательной части приговора точно изложить самое содержание умысла, так как различное содержание умысла играет в некоторых случаях решающую роль при исследовании вопроса о квалификации преступления. Возьмем следующий пример. Иванов ударил Петрову удары лопатой, от которых последний умирает. Если суд в формулировке обвинения ограничится изложением вышеуказанных признаков преступления, т.е. если суд, формулируя обвинение против Иванова, признает в отношении его доказанным нанесение ударов Петрову, отчето последовала смерть

последнего, то вопрос о квалификации действий Иванова по такой формулировке обвинения разрешить невозможно. В данном нами примере суд обязан выяснить и затем изложить свой вывод о том, с каким намерением Иванов наносил Петрову удары, желал ли он этими ударами причинить смерть Петрову, допускал ли он сознательно, что в результате его ударов последует смерть Петрова или же он желал причинить телесные повреждения. В первом случае действия Иванова должны квалифицироваться по одной из статей УК, предусматривающих умышленное убийство (ст.ст. 142—145), во втором случае его действия квалифицируются по одной из статей УК, предусматривающих телесные повреждения.

После изложения формулировки обвинения суд переходит к составлению резолютивной части приговора. Резолютивная часть обвинительного приговора есть не что иное, как юридическое оформление фактического материала обвинения, с указанием того уголовного закона, которым предусмотрены действия подсудимого.

Другими словами, резолютивная часть приговора есть переложение описательной части приговора на язык уголовного закона с указанием соответствующей статьи Угол. Код. Поэтому при составлении резолютивной части приговора суд главное внимание должен обращать на то, чтобы юридическое оформление фактов описательной части приговора целиком вытекало из них и им соответствовало. Для пояснения возьмем уже приведенный нами пример о злоупотреблении властью. Резолютивная часть приговора по этому делу должна быть примерно такой: На основании изложенного суд в отношении такого-то гражданина признал доказанным злоупотребление властью в корыстных целях, что предусмотрено ст. 105, ч. 1 Угол. Код.

Само собою разумеется, что в дальнейшем резолютивная часть приговора должна содержать в себе ответы на вопросы, которые должны ставить суд в совещательной комнате по правилам ст. 320 УПК (о мере социальной защиты, гражданском иске, судебных издержках и пр.).

Ст. 265 УПК.

Несмотря на выраженное в докладе о работе судов за 1924 год пожелание о важности и целесообразности мотивировки в определениях судов о доказанности уклонения подсудимого от явки в суд, этого пожелания суды не исполняют и в результате за последние несколько месяцев УПК отменила немало приговоров за нарушением ст. 265 УПК. УПК предлагает судам в будущем обязательно мотивировать указанное определение и, вообще, обращать внимание судов на большое число случаев заочных приговоров, вынесенных с нарушением ст. 265 УПК. В особенности часто за последнее время наблюдаются случаи заочного слушания дела при вручении повестки подсудимому и неимении у суда сведений о причинах его неявки. В дальнейшем это совершенно недопустимо. Суд обязан выяснить причины неявки и только тогда он может разрешить вопрос о возможности заочного слушания дела.

О гражданском иске.

В инструктивном письме УКК № 2 уже касалась вопросов, связанных с гражданским иском в уголовном процессе. Тех же вопросов касался и циркуляр Верховного и НКЮ № 1, № 19 от 26 января 1926 года. К сказанному там УКК считает нужным сделать следующие добавления и разъяснения. Прежде всего бывают случаи, когда суды передают вопрос об определении размеров удовлетворенного в основании гражданского иска в гражданские отделения. При таких условиях, когда от определения этих размеров зависят либо квалификация преступных действий привлеченных к делу лиц, либо определение меры социальной защиты, конечно, это недопустимо. Например, если по делу по обвинению кого-либо по ст. 128 УК не установлен уголовным судом хотя бы приблизительный ущерб, нанесенный подсудимым предприятию, то передача вопроса о размере ущерба в гражданский суд лишает возможности уголовный суд судить о том, нанес ли предприятию трудно возмещимый ущерб, или нет, что, как известно, является совершенно необходимым для квалификации действий осужденного по ст. 128, ч. 1 УК.

Другой пример. Если по делу по обвинению кого-либо по ст. 113 УК уголовный суд хотя бы приблизительно не устанавливает размеров растраченного или присвоенного, то передача этого вопроса в гражданский суд лишает возможности уголовный суд правильно ориентироваться в установлении степени социальной опасности как действий подсудимого, так и его самого, что, несомненно, приведет к невозможности решения как вопроса о квалификации (по 1 или по 2 части ст. 113 УК),

так и вопроса о мере социальной защиты. Таким образом, если судьба уголовного дела связана с размерами гражданского иска, то передача определения размеров гражданского иска в гражданский суд возможна только в тех исключительных случаях, когда уголовный суд в общих суммах размеры гражданского иска считает вполне установленными. В этих исключительных случаях дело гражданского суда—только детально проработать отдельные суммы подлежащего удовлетворению гражданского иска и подвести общие итоги размерам этого гражданского иска. Вообще следует отметить, что передача вопросов, связанных с удовлетворением гражданского иска, в гражданский суд допустима только тогда, когда для разрешения полностью этих вопросов в уголовном суде имеются серьезные препятствия. В особенности это недопустимо по делам, где гражданскими исками являются трудящиеся. Угол. Пр. Код. предоставляет им право добиваться возмещения ущерба от преступлений тут же, при разборе уголовного дела. Непредоставление им этого права без достаточных к тому оснований всегда вызовет справедливые нарекания на излишнюю волокиту, отсутствие чуткости к интересам трудящихся, что, в конечном счете, несомненно, приведет к умалению авторитета судов. Затем уже, во всяком случае, недопустимо оставление иска без рассмотрения при доказанности виновности привлеченных к делу лиц. При этих условиях согласно ст. 327 УПК суд либо удовлетворяет иск, либо отказывает в нем, в зависимости от доказанности оснований и размеров иска. В случае невозможности установления точных размеров иска, вследствие различных причин, указанных в ст. 329 УПК, уголовный суд все же не вправе оставить иск без рассмотрения: он обязан согласно той же ст. 329 ст. УПК признать право на удовлетворение иска и передать его в гражданский суд только для определения размеров иска. Между тем, практика УКК знает много случаев оставления иска без рассмотрения именно при указанных только что условиях.

Далее суды нередко допускают в судебном заседании вопрос гражданского иска не в качестве такового или потерпевшего, а в качестве эксперта, что, конечно, совершенно недопустимо. Такое смешение функций в некоторых случаях должно вести за собой отмену приговора, так как это прямо противоречит ст. ст. 49 и 43 УПК. Далее, практика УКК отмечает стеснение прав гражданского иска на судебном следствии. Гражданский истец является стороной в процессе и ему должны быть предоставлены все права сторон, изложенные в соответствующих ст.ст. УПК (ст.ст. 271, 272, 281, 283, 286, 288, 289, 297, 302, 303, 304, 305, 307, 310, 313, 349 и 400). И наконец, за последнее время УКК отметила несколько случаев удовлетворения гражданского иска при оправдании подсудимых. Это безусловно неправильно. В уголовном процессе удовлетворение гражданского иска может иметь место только в случаях обвинительного приговора; во всех остальных случаях потерпевший ищет возмещения ущерба путем предъявления иска в гражданском порядке.

Кроме того, УКК должна отметить, что указанные уже в прошлом инструктивном письме нарушения имеют место и в настоящее время. Судам следует продумать хорошенько указания инструктивного письма и точно следовать им в будущем.

Ст. 236—241 УПК.

Для того, чтобы суд мог быстро и хорошо ориентироваться в деле, чрезвычайно важно тщательное и правильное предварительное расследование дела. Это предварительное расследование, как известно, заканчивается составлением обвинительного заключения, которое и подлежит рассмотрению суда по правилам, указанным в ст. 236—241 УПК, т.е. в стадии передачи суду.

Имея цель дать возможность суду правильно оценивать обвинительное заключение, УКК считает необходимым разъяснить подробно общие правила составления обвинительного заключения и указать на наиболее часто встречающиеся недостатки.

Проверка практики устанавливает как наиболее часто встречающиеся недостатки обвинительных заключений следующие:

а) В описательной части обвинительного заключения следователь вместо связного рассказа об обстоятельствах дела с изложением сущности доказательства делает подробные выписки из показаний свидетелей, зачастую касающихся весьма мало существенных деталей дела.

б) В той же описательной части сплошь и рядом следователь вовсе не излагает показания обвиняемого и не указывает, проверены ли им были эти показания и каков результат этой проверки.

в) В резолютивной части обвинительного заключения формулировка обвинения не содержит в себе указаний на такие важные моменты, как время и место совершения преступления, между тем как по делу это вполне установлено. Сплошь и рядом следователь облекает формулировку обвинения в общие фразы квалифицирующих статей УК. В особенности это имеет место в отношении должностных и хозяйственных преступлений, а между тем для расследования именно этого рода преступлений правильная формулировка обвинения крайне существенна. УКК знает обвинительное заключение, в котором формулировка обвинения по ст. 110 УКК буквально гласила: «проявил злоупотребление властью, бездействие власти и халатное отношение к служебным обязанностям, в результате чего получился развал вверенного ему учреждения». Ясно, что подобного рода формулировка — все равно, что полное отсутствие ее, так как не указано, в чем заключалось злоупотребление и бездействие власти и халатное отношение к своим обязанностям, а равно, в чем выразился развал учреждения.

г) В резолютивной части под ряд излагаются несколько преступлений обвиняемого, а в конце формулировки обвинения опять-таки подриф указаны вменяемые ст.ст. УК. При таком способе указания уголовного закона зачастую никак нельзя понять, какие именно действия квалифицируются по одной, а какие по другой статье Угол. Код.

д) Следователь в описательной части при изложении обстоятельств дела не указывает, на каких материалах дела он основывает то или другое утверждение, а также не указывает листы дела.

е) В отношении обвиняемых не указывается, какая мера пресечения избрана, а если обвиняемые были под стражей, — сколько времени они провели в заключении.

ж) В списке свидетелей и экспертов, вызываемых в судебное заседание, не указываются листы дела, на которых изложены их показания и заключения, а также приобщаются уйма документов, актов, постановлений, выписок и всякой переписки, существенного значения для дела не имеющих.

з) Часто дело имеет несколько нумераций и ни одна из них не зачеркивается, что создает излишние трудности для суда при отыскании какого-либо документа, показания, экспертизы, на которое ссылается обвинительное заключение.

и) Не указывается часть статьи Уголовного Кодекса, по которой квалифицируется преступление, а также статьи общей части Угол. Код., которыми предусмотрено соучастие (ст. 16), покушение (ст. 14), несовершеннолетие (18-а и 18-б) и проч.

Для устранения этих недостатков нужно твердо усвоить, что следствие продвигает подготовительную работу по выяснению дела для того, чтобы дать возможность суду правильно решить вопрос о наличии в действиях обвиняемого социальной опасности, о степени социальной опасности этих действий и самого обвиняемого. Обвинительное заключение, как заключительный — следственный акт, подытоживающий следственную работу, должен быть составлен таким образом, чтобы суду лучше всего можно было правильно разрешить указанные выше вопросы. А для этого обвинительное заключение обязательно должно дать суду возможность ориентироваться во всем имеющемся в деле доказательственном материале, так как суд обязан произвести оценку имеющихся в деле доказательств, хотя и по внутреннему убеждению, однако, обязательно «основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности» (ст. 319). Искусственное отнесение в обвинительных заключениях одних изобличающих моментов и затупевывание оправдующих неправильно и чуждо принципам нашего права.

Обвинительное заключение по общему правилу определяет пределы ответственности подсудимого при рассмотрении дела. Другими словами, суд рассматривает дело и выносит приговор в пределах предъявленного подсудимому обвинения по обвинительному заключению. Во всяком случае, суд не вправе предъявить при рассмотрении дела и вынести приговор по новому обвинению, не бывшему предметом исследования предварительного следствия, если это новое обвинение, или даже новая формулировка обвинения влечет за собой более

тяжкое наказание. И только в случае полной ясности и доказанности нового обвинения, не влекущего за собой более тяжелой меры социальной защиты и не требующего именно по своей ясности и доказанности ни дознания, ни предварительного следствия, суд имеет право вынести приговор по этому новому обвинению (ст.ст. 312 и 313).

Описательная часть обвинительного заключения должна быть составлена в виде связанного рассказа об обстоятельствах дела, как они установлены предварительным следствием, с изложением как обличающих, так и оправдывающих, как усиливающих, так и смягчающих вину обвиняемого обстоятельств. При этом необходимо соблюдение двух основных правил:

а) При ссылке на доказательства, имеющиеся в материалах дела, следователь после изложения сущности доказательств обязательно точно указывает листы дела, из которых он черпает доказательственный материал.

б) Следователь излагает объяснения обвиняемого и все те ходатайства, которые были им возбуждены по поводу установления обстоятельств, имеющих значение для дела. После изложения этого следователь обязательно излагает мотивы для отказа в производстве тех или иных следственных действий, которые были произведены по ходатайству обвиняемого.

Резолютивная часть обвинительного заключения обязательно должна целиком вытекать из описательной части его, при чем формулировка обвинения (место, время, способ и мотивы преступления) должна содержать в себе в коротких, сжатых, но точных словах описание преступных действий обвиняемого со всеми характерными особенностями данного преступного деяния. Ни в коем случае недопустимы неясности и общие выражения, взятые из текста квалифицирующей статьи Угол. Код.

При составлении списка лиц, вызываемых в судебное заседание, следователь должен поместить туда всех тех, чьи показания имеют значение для дела, при чем в этом случае нелишне подчеркнуть, что «имеющими значение для дела» показаниями являются не только обличающие и усиливающие степень ответственности, но в равной степени и оправдывающие и смягчающие.

Составленное, таким образом, обвинительное заключение также очень помогает судам в решении вопроса о возможности слушания дела в упрощенном порядке (ст. 391 УПК).

Соблюдение этих общих положений даст возможность в значительной мере устранить те недостатки, которые в практике наблюдаются, и многим поможет судам в выполнении своих задач.

В заключение УКК считает нужным остановиться на двух вопросах, хотя и незначительных, но создающих излишние затруднения в работе УКК.

В последнее время многие губсуды, получая от осужденного ходатайства об изменении меры пресечения после отсылки дела в УКК Верховсуда, посылают эти ходатайства в УКК. Это не правильно. Вопрос об изменении меры пресечения не может быть рассмотрен в УКК до рассмотрения самого дела, а потому при подаче ходатайства об изменении меры пресечения после отсылки дела в УКК Верховсуда следует обязательно разъяснить всем подающим эти ходатайства, что пересылка ходатайства в Верховсуд излишня, ибо цели достигнуть не может. УКК может только ускорить рассмотрение дела, о чем ходатайство подается и вне связи с изменением меры пресечения. Отсылка в УКК ходатайств об изменении меры пресечения на практике привела к приезду в Москву в УКК целого ряда лиц, главным образом, родственников осужденных, очень часто крестьян-бедняков и середняков, тратящих на проезд последние гроши совершенно бесцельно.

Второй вопрос — о пересылке дел в УКК для передачи в другие суды. Дела этого рода следует отсылать обязательно с обвинительным заключением, так как отсутствие обвинительного заключения сильно затрудняет проверку следственного материала. Исключение из этого возможно лишь в случае предложения Верховсуда выслать дело немедленно.

Председатель Уголовно-Кассационной Коллегии
Верховного Суда РСФСР Челишев.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор
Редакционная Коллегия

{ Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.